

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК НОВАЯ ЭРА

Д. Н. ЗАМПОЛИТ

ПРОВОКАТОР

Я — ЗА РЕВОЛЮЦИЮ! НО ДРУГУЮ

Фантастический боевик. Новая эра

Д. Н. Замполит

Провокатор

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Замполит Д. Н.

Провокатор / Д. Н. Замполит — «Издательство АСТ»,
2021 — (Фантастический боевик. Новая эра)

ISBN 978-5-17-154817-9

Скамов Михаил Дмитриевич, 1971 г. р., гражданин Российской Федерации, он же Майкл Скаммо 1859 г. р., гражданин Северо-Американских Соединенных Штатов, он же Большев, он же Дриба, он же Сосед. Образование высшее, инженер-строитель, владелец и руководитель проектно-расчетной фирмы, секретный агент Московского охранного отделения, член редколлегии газеты «Правда», большевик, принципиальный противник террора, кавалер ордена Станислава III степени. При таких раскладах можно легко стать миллионщиком, но хочется потратить эти деньги с толком, чтобы революция в России получилась как можно менее кровавой.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-154817-9

© Замполит Д. Н., 2021
© Издательство АСТ, 2021

Д. Н. Замполит

Провокатор

© Д. Н. Замполит, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Иллюстрация на обложке Сергея Курганова

* * *

Звонок из Переславля застал меня в самом начале дороги, на Крестовском путепроводе. Звонил Леша, он сумел связаться с тамошним прорабом, имевшим, к счастью, строительное образование, и самостоятельно разрулил проблему – слишком инициативный бригадир решил сделать бетонную мембрану вдвое толще, потому что «тонкая упадет, нащяльнеке».

Я тихо рулил по проспекту Мира, соображая, как распорядиться внезапно образовавшимся пустым днем. Максимум удастся закрыть вторую половину, но тут пришла мысль доехать до Сокольников и просто погулять в парке, где я не был уже лет тридцать.

Между Поперечным просеком и железной дорогой было пусто, на аллеях вдоль прудов я увидел всего пару упоротых бегунов и одного собачника. Лесные дорожки, куда я и направился, были вообще безлюдны, что неудивительно холодным утром в будний день со скверной погодой.

Мысли вернулись на внезапный звонок Леши, такие взбрыки в последнее время случались все реже и реже. Наше проектно-расчетное бюро заслужило немалый авторитет на строительстве всяких необычных конструкций, заказов становилось все больше – кто винтовую лестницу в монолите пожелает, кто перекрытие личного бассейна, кто вообще полный нестандарт в духе экодизайна. Да, сперва ты работаешь на репутацию, а потом репутация работает на тебя. Плохо то, что на репутацию мы работали вдвоем с моим сокурсником и совладельцем бюро Сергеем, а сейчас я один – полгода назад такой же внезапный звонок принес весть о его смерти от инфаркта.

В лесу было тихо, только тропинки избиты копытами лошадей из конной школы или, может, сокольнического эскадрона полиции. Я двинулся искать наше секретное место, в котором когда-то собирались мы, мелкие пацаны, жившие на Маленковской. Хотя черт его теперь найдешь, столько лет прошло – вон, одни деревья вымахали, другие, напротив, упали или спилены, и где оно, то место, и где те пацаны... Суета сует, всяческая суета и бренность всего сущего, тем паче что подтверждение последнему случилось всего неделю назад, когда ушел друг юности Андрей. С ним мы когда-то вместе создавали «самую правильную марксистско-ленинскую партию». Ага, как молоды мы были. Проект загнулся по естественным причинам – наступили девяностые, и коммунистические идеи оказались как-то не очень к месту, больше приходилось думать о пожрать. И тогда очень кстати начался наш с Сергеем бизнес, позволивший вынырнуть из омута и начать зарабатывать сперва на «новых русских», потом на самодельной гламурной тусовке и в последнее время даже на олигархах.

Вот ведь жизнь – с Сергеем мы виделись ежедневно последние двадцать лет, а умер он мгновенно, а с Андреем за эти же годы мы встретились всего три-четыре раза, но умирал он практически на моих руках, семьи у него не было. Вместо нее были только книги и наш «марксистский» сервер, затеянный еще в молодости. Все эти годы Андрей поддерживал и пополнял его, ибо остался верен исторической науке. Он даже успел защитить обе диссертации – кандидатскую и докторскую – и превратил сборничек десятка текстов «основоположников» в крупный, если не крупнейший ресурс по современному марксизму в Рунете.

Его-то он мне и завещал, и теперь надо было думать о новом хостинге, ибо Андрюхино руководство более не горело желанием держать его на институтских серверах. Да что там «более» – оно и ранее не испытывало особого счастья по этому поводу, спасал лишь авторитет Андрея в научных кругах. Думы думами, а прошедшую неделю я исправно перекачивал содержимое на свои носители, хорошо хоть там были только тексты и много места они не требовали.

Сверху цвиркнула какая-то птица, и я отвлекся от своих размышлений, втянув носом запах сырой земли и прелой листвы. Нет, секретное место я не найду, надо понемногу выбираться к машине, а то что-то стало холодать. И ехать опять в город, где я остался один – отец умер в начале нулевых, мать пятнадцать лет тому назад, и я до сих пор уверен, что родителей добила девяностремье.

С женой давно развелся, дочка вышла замуж за испанца и живет в Малаге, а такими темпами скоро и друзей-товарищей не останется...

Перед глазами, как живые, встали Серега с Андреем, сердце дало перебой и сжалось, картинка поплыла и раздвоилась, а потом и размножилась. Задыхаясь от нехватки воздуха, я почти упал на пенек и привалился спиной к дереву. Проскочила мысль, что это будет номер – дать дуба под березой в Сокольниках, где меня хрен знает когда найдут.

Парк плыл и переливался, деревья прорастали сквозь деревья, пару раз в глазах ослепительно сверкнуло, мелькали смазанные человеческие фигуры...

Дышать. Дышать. Вдох носом, живот, ребра, плечи, резкий выдох, чтобы толкнуть сердце, концентрируйся на дыхании, дышать...

Неужели инфаркт? Но с сердцем все в порядке... Инсульт? Нахрен-нахрен, полчаса без медицинской помощи и можно всю оставшуюся жизнь провести «овощем». Дышать. Дышать. И не паниковать, живы будем – не помрем.

Понемногу отпустило, хотя зрение пришло в норму совсем не сразу. Вытерев пот, я тихонько подышал еще минут десять, потом медленно поднялся и двинулся к железной дороге в сторону просека, где оставил машину. Черт, надо срочно на обследование, ведь незнамо когда в следующий раз схватит, возраст уже не детский, сорок девять лет мальчику. Так я брел и шпынял себя за нелюбовь к врачам, пока навстречу по дорожке Лабиринта не появилась небольшая конная группа. Стало повеселее – на миру и смерть красна. По мере приближения конники оказались реконструкторами, всадники в верховой одежде конца XIX века, дамы в амазонках и на дамских же седлах. Шляпки с длинными вуалями за спиной, но мой взгляд почему-то зацепился за перчатки – все были в перчатках, причем у всех в тон одежде. Надо же, как обстоятельно заморочились...

Хотел было их поприветствовать привычным «на какое столетие бухаем?», но поглядел на лица людей, так старательно вжившихся в эпоху... и просто кинул два пальца к шляпе, за что удостоился удивленных взглядов. Может, у них тут весь парк закрыт на реконское мероприятие – то-то людей нет – и они на меня вытаращились из-за обычной одежды? Да флаг им в руки, я-то никаких барьеров, закрытых проходов и объявлений не видел. Так что бог с ними, с реконами, мне бы до машины добраться.

С железной дороги раздался резкий свист, и я, повернувшись в его сторону, увидел сквозь деревья султан черного дыма. Да, похоже, мероприятие – вон, даже паровоз пустили. Пойти глянуть, что ли, что там, «Овечка», наверное, крюк всего-то на лишнюю сотню метров...

Я раздвинул кусты на краю путевой выемки и замер, даже не глядя на пытящий паровоз, – на железке не было платформы «Маленковская», а за ней не было восьмиэтажных «сталинок».

Вместо них вдалеке виднелись избы и паслись коровы.

Организм, как ни странно, на такую мощную новость никак не отреагировал, второй раз марево глаза не застило, сердце не колело, и вообще я отнесся к пейзажу несколько философски. Как сказал ведомый на казнь в понедельник, «что-то хреново неделя начинается».

Так, разберемся.

Москва, конечно, город богатый и на фестиваль типа «Времена и эпохи» может выделить неслабый бюджет. Но все равно не такой, чтобы снести квадратный километр застройки и завезти на пустое место коров. Да что там застройка – в направлении ВДНХ не видно взлетающей ракеты монумента покорителям космоса! А она должна быть как раз за маковками хорошо различимой Алексеевской церкви.

Значит, не фестиваль.

– Тогда что? – вслух поинтересовался я. – Глюк? Наваждение?

Если так, то очень странный глюк. Почему все остальное на месте, парк, деревья, я сам, содержимое сумки-портфеля...

А если... От догадки пробежали ледяные мурашки по спине. А если... а если это...

– Перенос... – тихо прошептал я и несколько раз крепко зажмурился, а потом ущипнул себя.

Правда, и это не помогло.

В отчаянной надежде быстренько вытащил смартфон и разочарованно ругнулся – сеть напрочь отсутствовала. В планшете – аналогично. Господибогадушмать... нет, не может быть. Не бывает такого. Ну не хочу я в прошлое! У меня дел выше крыши! Кот не кормлен! Да что я тут делать-то буду??? Слушай, дорогое мироздание, а давай ты меня вернешь обратно, а я никогда-никогда больше не пойду гулять в Сокольники? И дорогу на красный свет переходить не буду, и что еще там, под стрелой стоять, а? Ну поэзия...

Дорогому мирозданию было не до меня. Пришлось добрести до лежавшей чуть в стороне от тропинки лесины и плюхнуться на нее. М-да, тут и сел старик.

Ну, ладно, пусть я хрен знает где, но что же будет с нашим бюро? Ох ё, Леша не вытянет, у него ни связей, ни достаточного опыта нет, все дело под откос... дочку не увижу...

Сервер! Я даже застонал – я же обещал Андрею, а как теперь я все сохраню?

Не могу сказать, сколько я просидел так, шарахаясь от возбуждения к отчаянию, прежде чем приказал себе собраться – вспомнилась одна хорошая комедия: «...у нас две проблемы, Минобороны и пуговица». Вот и не хрен, надо искать пуговицу.

Фирма? Да, жаль, но там все взрослые ребята, в конце концов уйдут под крыло к конкурентам, их примут с радостью.

Сервер? Почти все тексты у меня на планшете.

Дочка? Слушай, ну ты и так ее видишь в лучшем случае дважды в год, у нее своя жизнь, у тебя своя. Была во всяком случае.

Кот? Раз в два дня приходит уборщица, накормит. Ну и соседи нормальные, сколько раз брали моего, когда я по командировкам мотался, приютят, не бросят.

Каким-то странным образом страх ушел, осталась досада. Примерно такая, как от отмененной важной встречи или когда пошел неожиданный дождь, а у тебя нет с собой зонта.

Ладно, хватит ныть, хочешь жить – надо барахтаться и сбивать масло, как та лягушка. Хотя, может, я все-таки ошибаюсь? Вот бы это был не перенос, а солидный такой, обстоятельный глюк! Хорошо бы для надежности пообщаться с кем-нить... я побрел вдоль железки, крутя головой по сторонам в поиске кандидата на собеседование. Минут через пять из кустов со стороны Путяевских прудов вынырнул усатый мужик средних лет, при взгляде на него в голову сразу пришло слово «мастеровой» – картуз, короткое пальто, брюки в сапоги и рогожный кулек под мышкой.

– Любезный, а не подскажешь, какой нынче у нас год?

Усач фыркнул, бросил на меня подозрительный взгляд и, поправив кулек, быстренько ссыпался вниз к путям, перескочил их и удалился.

– Везет, как утопленнику... – я невольно улыбнулся. – Хотя никакой рекон так бы натурально не среагировал.

Ну что же, принимаем за рабочую гипотезу перенос, теперь стоит выяснить, куда. Судя по церкви, «овечке» и всадникам – Россия, рубеж веков, для уточнения нужно выбраться к местной цивилизации...

Стоп.

А примет ли меня местная цивилизация в таком виде? Документов нет, одет странно, денег нет, ценностей, которые можно сразу реализовать, тоже нет (ценности-то есть – тот же смартфон, но кому его можно продать с ходу?). Так, значит, первым делом – средства к существованию и легализация. Что я умею, применимого в этом времени, кроме как крутить хвосты коровам? Я неплохой инженер-расчетчик и потенциально предсказатель, но, чтобы зарабатывать в этих качествах, нужно время на раскрутку, а у меня его попросту нет – не на что и негде жить. Профессиональный революционер, бггг? Ну дык подполье тоже нужно время найти. Пожалуй, деваться некуда, надо сдаваться власти. Если не в тайные советники вождя выбьюсь, то хоть в роли феномена с голоду не сдохну, но до той власти надо еще пробиться. Ладно, двигаем пока в полицию, или как она тут зовется, больше некуда, ученых или революционеров еще походи найди, а правоохранители вот они, всегда рядом.

Полиция, насколько я знаю, делила здания с пожарными командами. И как раз тут невдалеке имеется Сокольническая часть со знаменитой каланчой, вот туда и направимся. Дотуда километра три, дойду неспешно за час, заодно посмотрю по сторонам и постараюсь определиться поточнее.

Я фланировал по аллее Сокольников, воображая, чем еще я могу пригодиться в этом времени, но мысли скакали, сбиваясь с необходимого для гаджетов электричества на марксистско-ленинскую философию, с нее на теорию упругости со строительной механикой и дальше на неплохое знание истории и английского языка...

А это мысль! Американец – это закроет некоторые вопросы при первичном общении. Еще я умею рисовать и помню песни... Давай-давай, еще промежуточный патрон вспомни. И фигурное катание, куда меня на волне увлечения этим спортом в СССР затолкали родители и где я страдал два года, пока пацаны рубились в хоккей.

Нет, сопромат и только сопромат, спасибо нашему невероятному лектору – доцент Алексеев настолько идеально подавал материал, что конспект можно было сразу издавать как учебник. Кстати, это единственный институтский конспект, который я сохранил и частенько просматривал, стараясь научиться такой же четкости изложения.

Ох ё, фиты и яти! Я же ни ухом ни рылом... Впрочем, мне и не надо – я «американец». Что еще? Чертежником меня не возьмут, тут требования гораздо жестче, а я разбалован софтом вроде Автокада. Если покопаться в памяти, уйма сведений по развитию науки и техники, по большей части бесполезных, – ну, вот знаю я про пенициллин, и что? Многие вещи мне знакомы только по названиям, а вот как сделать паровую машину, которая сейчас на пике, или двигатель внутреннего сгорания, который вот-вот выстрелит, ну, хрен его знает. Может, рабочий макет и получится... Или вот я умею рассчитывать бетонные корпуса реактора на ЭВМ... самому не смешно? Родственников найти? Здрасьте, я Саша с Уралмаша, то есть ваш правнук, бггг.

Блин, а ведь бабкиного брата расстреляли под горячую руку в 1918-м, сестру прабабки, монахиню, – в 1937-м, дедова брата раскулачили в 1930-м, питерская ветвь семьи в блокаду вымерла почти вся... А по стране??? Ну, вот тебе и хорошая мотивация здесь – уменьшить число жертв, чтобы к концу XX века в России не еле-еле 140 миллионов осталось, а хотя бы вдвое больше. В голову тотчас полезли читанные статьи о «русском кресте», о демографическом переходе, о количестве жертв в войну – сорок миллионов или все-таки двадцать семь? Да какая, к черту, разница, прости господи... А девяностые??? А первая русская революция, когда Россия в полный рост познакомилась с террористическими атаками и бессудными расправами? Жуткий век, страшные удары обрушились на страну и обескровили ее, попытаться

предотвратить это – достойная цель в жизни, даже умереть за такое не жалко, не за счет же в банке помирать.

Ну и как это сделать? Противостояние никуда не денется, слишком много проблем в империи, а вот сбить накал этого увлекательного процесса... да, надо душить террористов – невзирая на идеологию. Террор – не наш метод, мы пойдем другим путем... О! Ленину-то сейчас лет двадцать пять – тридцать, а с его текстами я вполне знаком, знаю, как он будет развиваться – можно и в ближний круг пролезть. Я аж задохнулся от перспективы и от накатившего понимания, что надо делать. Ладно, базовый сопромат всегда прокормит, недаром об этом времени говорится: «Сдал сопромат – можешь жениться!», тем паче при громадном дефиците не то что инженеров, а даже техников в Российской империи рубежа веков. А уж навести шухер в революционной тусовке сам бог велел.

Ха! Тоже мне, орел выискался, а кишка не тонка? Там ведь не самые простые ребята собрались, те, кто послабее был, сдулись, так что мы помним самых-самых! Зато я знаю то, чего не знают они, могу их кое-чему научить, да и упорства с упрямством мне не занимать, сколько раз наши проекты пробивали только «на волевых»? И работать умею, если надо – сутками. Ага, «а я еще на машинке вышиваю», кот Матроскин... Но других вариантов я не вижу, сыто жрать и мягко спать при том, что можно хоть что-то изменить, не для меня, так что решено, в бой роковой мы вступаем с врагами, нас еще судьбы безвестные ждут.

Так, выстраивая на ходу планы и легенду, я дотопал до выхода из парка на Сокольническую заставу и в полукилометре впереди увидел краснокирпичную каланчу. Ближайшая афишная тумба пестрела разнообразными объявлениями, и я определился более точно – Российская империя, 1897 год.

– Одна тысяча восемьсот девяносто седьмой... – вздохнул я, – влетел так влетел...

Но убиваться поздно, да и бессмысленно. Опять же, по молодости сам мечтал, чтобы с большевиками на баррикады – и теперь я, кажется, знал, к кому мне надо попасть, чтобы сразу на хрен не послали. Есть, есть тут человек и при власти, и с хорошим кругозором, чтобы от моих чудес не рехнуться, и тоже не любящий террористов. Найти, зацепить, сработаться во что бы то ни стало! Цель вижу, препятствий нет, так что взял себя в руки и поспешил в сторону каланчи, не обращая внимания на провожавшие мой несколько необычный вид взгляды гуляющей публики, извозчиков и дворников. Хорошо еще, что я поехал в шляпе и пальто, будь я в куртке и бейсболке... Да хрен с ней, с одеждой, мне нужно полицейское начальство и побыстрее.

У подъезда Сокольнической части прохаживался хрестоматийный городской в черном мундире, украшенном парой медалей и в фуражке с номерной бляхой вместо кокарды. К нему-то я направился, счастливо избежав при переходе Стромьинки столкновения с запряженным в пролетку рысаком.

Ну, теперь не дрейфить.

– Любезный! – окликнул я полицейского решительным тоном. – Проведи меня к приставу.

Огладив рыжеватые усы и одновременно оглядев меня с ног до головы (я специально в этот момент поправил галстук левой рукой, чтобы показать хромированный браслет наручных часов), городской удовлетворился увиденным. Приоткрыв створку двери, он крикнул в нее:

– Федот! К господину приставу!

Через пару лестниц и коридоров Федот, оказавшийся таким же городовым, но, видимо, ниже по званию, запустил меня в приемную. На страже кабинета пристав сидел... ммм... секретарь-референт? коллежский регистратор? Не важно, главное, я почти у цели.

– Как прикажете доложить?

– Гражданин Северо-Американских Соединенных Штатов Майкл Скаммо, – уверенность в голосе вышла очень натуральной.

Надо же, того и гляди, актерский талант прорежется.

На стене сияла табличка «Исполняющий должность пристава Николай Петрович Кожин», секретарь боком просунулся в кабинет и через минуту вышел обратно, распахнув передо мной дверь и сделав полупоклон с приглашающим жестом рукой.

– Слушаю вас, господин Скаммо.

Из-за стола навстречу мне поднялся, указывая на стул, худошавый мужчина в форменном сюртуке с пышными усами и аккуратно подстриженной бородкой. На лице вежливая внимательность, но глаза настороженные. Ну что же, вполне обычная реакция для полицейского, да и отступать мне некуда – теперь только вперед.

– Mister пристав, я, sorry, мне необходимо неотложно начальника Московского охранного отделения mister Зубатов по highly confidential делу.

Лето 1897 года

Das... Das... Sehr... Тьфу, черт, verfluchter Schweinehund! Кошмарный язык снова вызвал приступ бешенства, и я налег на педали. Стрелка вольтметра наконец-то залезла в нужный диапазон и осталась там трепыхаться. Ну хоть какая польза от немецкого – теперь в таком же темпе потеть еще минут тридцать. Нет, не ЗОЖ, хотя и это тоже, в первую очередь для окружающих.

На самом деле самопальный «велотренажер» вращал ролики самопальной же динамомашины, от которой провода шли к угробищному ящику с батареей, трансформатором, выпрямителем и бог его знает, чем еще. Спасибо лаборатории Петра Николаевича Лебедева в Бауманке, миль пардон, в Императорском техническом училище, где сумели собрать этот станковый внешний аккумулятор. Хвала русской электротехнической школе и хвала всем китайским богам, надоумившим создателей моих гаджетов писать на зарядных устройствах параметры тока на входе и выходе. Хотя помучиться пришлось изрядно, в основном из-за того, что нельзя было показать зарядники и объяснить напрямую, что мне нужно.

Да и велотренажер обошелся ни много ни мало в полторы сотни – при том, что тысяча рублей – это очень приличная годовая зарплата в России нынешнего времени, у врача, например, или даже инженера. Впрочем, Зубатов профинансировал постройку недрогнувшей рукой, благо понимал, для чего это нужно.

В общем, из велосипеда, пары подпорок и нескольких валков получился мускульный генератор, решивший задачу питания смартфона и планшета. Когда подключался первый раз, испытывал настоящий экзистенциальный ужас, а вдруг все сгорит к чертям собачьим, но, к счастью, обошлось без катастроф. И сейчас, через полгода после моего появления здесь, я могу позволить себе тыкать в сенсорные экраны хотя бы несколько раз в неделю. Нет, понятно, рано или поздно вся супертехника содохнет, но до этого времени я надеюсь успеть наработать себе репутацию и, главное, перенести самую нужную информацию на бумагу.

Процесс электрической и физической зарядки я, чтобы не терять времени, приносившая сочетание с чтением газет и почты – так сказать, приятное с полезным. Довольно быстро насобачился продираться сквозь старую орфографию и вскоре перестал обращать внимание на непривычные мне буквы (в конце концов, написано же русским по белому!). А вот с почтой случались затыки, особенно с письмами от зарубежных корреспондентов. Изучать немецкий я взялся с самого начала, сперва чтобы не свихнуться во время первых недель, а потом по необходимости – уйма технической литературы была только на немецком, плюс не следовало упускать из виду Швейцарию, где у социал-демократов будет гнездо, плюс наш с Зубатовым патентный «бизнес» будет завязан на контору в Цюрихе... Ничего, превозможем, английский я в свое время выучил, выучу и немецкий, и французский, стану полиглотом на старости лет.

Письмо из Швейцарии я одолел минут через пятнадцать, понял не все, но общий смысл уловил – дела идут, контора пишет, перспективы благоприятные. Ну и славно.

Следом пришел черед газет, но с ними пошло повеселее, несмотря на порой вычурный и в то же время наивный слог. Вся эта светская хроника со всеми ее «всемилюбовейше повелеть соизволил», и забавные фельетоны с воплем «Доколе?» на тему, сколько можно бестолково расходовать (читай – красть) казенные деньги, и прочие всякие курьезы, слегка напрягали, особенно с высоты моих сто двадцати с лишним лет вперед. Но тут уже ничего не поделаешь – читая газеты, я банально вживаюсь в эпоху. К тому же такое чтение позволяет поддерживать бытовые разговоры на уровне пикейных жилетов, не переспрашивая каждую минуту, о чем или о ком вообще идет речь.

Отследив положенное время по часам, я закончил свои телодвижения, слез с велосипеда и отправился умываться.

С привычкой принимать душ по поводу и без повода пришлось вынужденно расстаться. Квартира у меня с удобствами, но горячая вода образуется посредством архаического дровяного титана, который, черт бы его побрал, замаешься растапливать. Так что пока не обзаведусь развернутым штатом прислуги, обтирание мокрым полотенцем, как рекомендовала двухтомная «Энциклопедия домашнего хозяйства», – наше всё.

Что, кроме велотренажера и квартиры, произошло в моей жизни после первого разговора с Зубатовым? Многое... Доставили меня тогда в Гнездиновский переулок, где размещалось городское полицейское управление, на пролетке в сопровождении того самого фактурного городского, стоявшего у входа в участок. Но далеко не сразу, а после того, как пришлось многожды намекать Кожину, что я имею важнейшую информацию о террористах. Но при этом даже не спросили документов – вот такие вот вегетарианские времена. Ой, икнется это лет через восемь...

Зубатов оказался вполне еще молодым человеком с солидными усами по местной моде (пришлось и мне отращивать усы и бороду, тем более опасной бритвой пользоваться не умею). Он сразу пригласил меня в кабинет, велел подать чаю, что было весьма кстати – и горло от нервов пересохло, и ел я уже довольно давно. Чай доставили незамедлительно, обер-охранитель приглашающе улыбнулся, а потом, мастерски изобразив искренний интерес к моей персоне, поинтересовался:

– Так что же, господин Скаммо, вы хотели сообщить?

По дороге я уже выстроил стратегию предстоящей беседы и ответил незамедлительно, подпустив в голос максимальный градус серьезности и значимости.

– Я бы попросил о строгой конфиденциальности разговора ввиду характера имеющихся у меня сведений.

– О, настолько серьезно? – с тенью иронии спросил Зубатов.

Судя по всему, он никак не хотел воспринимать заезжего американца всерьез. А может, ему приходилось по десять раз на день выслушивать таких вот визитеров.

Ну что же, придется убеждать в обратном. Выхода у меня другого нет.

– Да, серьезно... – чуть более резко, чем требовалось, ответил я. – Речь идет, Сергей, извините, не помню вашего отчества...

– Васильевич...

– Так вот, Сергей Васильевич. Речь идет о будущей партии социалистов-революционеров, ее боевой организации и предстоящих покушениях. На министров и даже на великого князя.

– Даже так?!

С хозяина кабинета мигом слетела невозмутимость. Он даже подобрался, как легавая собака при виде дичи.

– Именно. Поэтому еще раз покорнейше прошу о полной конфиденциальности.

Зубатов поднялся, прошел к двери, приоткрыл ее и дал несколько распоряжений тихим голосом. После чего вернулся, сел в кресло и вежливо предложил приступить к разговору.

– Извольте, начнем по порядку.

С этими словами я выложил перед Сергеем Васильевичем все свое богатство: паспорт, права, кредитные карточки, мультитул, планшет, пару гелевых ручек, портативный лазерный дальномер, склерометр, ключи от машины с брелком-сигналкой, закончив снятыми с руки часами и включенным на аудиозапись смартфоном.

– Что это?

Вместо ответа я протянул ему паспорт:

– Прошу.

Зубатов взял красную книжечку, хмыкнул, увидев написание без «ятя», раскрыл ее... пролистал...

– Это какая-то нелепая шутка.

– Сергей Васильевич, вряд ли для нелепой шутки кто-либо сделал столько странных вещей. Которые к тому же невозможны при вашем развитии техники. Да вот хотя бы это блестящее покрытие страницы или материал карточки...

– Ну, знаете ли! При желании можно и не такое сделать!

– Хорошо, а как вам это? – я нажал кнопку включения планшета.

Вот на этом моменте его, кажется, начало понимать.

– Хм... Фотография с подсветкой.

– Цветная? Ну ладно...

Покопавшись в файлах, я запустил видео – первый попавшийся ролик.

Зубатов замер и уставился на экран.

– Вот это, – я взял в руку смартфон, – универсальное устройство. При наличии сети работает как телефон, телеграф, доступ ко всемирному хранилищу информации на любом языке, компас и многое другое. Без сети – как ежедневник, устройство записи и воспроизведения звука или изображения, библиотека, фонарь... Перечислять можно долго.

– Сети? – Зубатов вскинулся, услышав знакомое слово, но быстро сообразил, что к агентурной сети оно не относится. – Что за сеть? Вы о чем?

Я мысленно ругнулся. Тороплюсь... тут надо как младенцу все растолковывать.

– В наше время так называется всемирная система информации. В схематичном плане она выглядит, как сеть. Но, если не возражаете, к этому мы перейдем чуть позже. Слишком объемные данные, придется потратить очень много времени на объяснения. Вот, к примеру, один из способов использования сего прибора, – я вызвал приложение, тыкнул кнопку воспроизведения, снова положил смартфон на стол.

Из динамика донеслось:

«– Извольте, начнем по порядку.

– Что это?

– Прошу, – послышался легкий шелест страниц.

– Это какая-то нелепая шутка.

– Сергей Васильевич, вряд ли для нелепой шутки...»

Зубатов недоуменно помотал головой, я выключил воспроизведение.

– Не узнали свой голос? Это в порядке вещей, никто не узнает. У себя в голове мы «звучим» иначе, чем для других. Но продолжим, будьте любезны, возьмите какой-нибудь особенный предмет.

Зубатов, как зачарованный, поднял пресс-папье из настольного письменного прибора, я щелкнул его камерой и, ощущая себя фокусником, продемонстрировал получившийся кадр.

– И это еще не все. Сейчас я передам снимок на планшет... вуаля, можете рассмотреть себя на экране побольше. Если вы считаете, что это подстроено, придумайте любой другой кадр.

Надо сказать, удар начальник охранного отделения держал неплохо. Через пару минут, покрутив мои гаджеты в руках и промочив горло остывшим чаем, взял мультитул.

– А это?

– Универсальный карманный инструмент. Что-то вроде швейцарского ножа, но шире по возможностям. Вот смотрите – это плоскогубцы, это нож и пилка, это отвертки...

– Ну, это может сделать любой слесарь! – он все еще цеплялся за привычную картину бытия.

– Да, но до этого надо еще додуматься! А вот такие винты и такую заточку не делает сейчас никто в мире. Кстати, мы можем их запатентовать и заработать на этом.

Зубатов хмыкнул и вернулся к паспорту.

– Что такое ОВД?

– Отдел внутренних дел, у вас это вроде бы «полицейская часть», если не ошибаюсь. УВД – Управление внутренних дел, более высокая инстанция, ЗАО – Западный административный округ, один из девяти в Москве.

– Российская Федерация?

– Федеративная республика, правопреемница Советского Союза, образованного после развала Российской империи в 1917 году.

– Господи, твоя воля...

Поняв, что его, наконец, пробрало, я решил закрепить успех.

– Да, чтобы покончить с неприятными вопросами... Насколько я помню, вас лет через пять со скандалом уволят...

Зубатов обхватил лоб и с силой провел ладонью по лицу.

– Оставим пока эту тему. Что там было насчет революционеров?

– В ближайшие год-два начнется слияние революционных социалистических групп. В основном выросших из народничества и его идей. В том числе идеи о достижении цели террористическими методами.

– Да, охранное отделение имеет такие сведения.

– Было бы странно не иметь их. Я не помню точно, но вроде бы Евно Азеф уже завербован как агент отделения. Именно он и возглавит боевую организацию. Причем будет работать, что называется, и нашим, и вашим. Какие-то покушения предотвратит, какие-то, наоборот, проведет. Например, успешные покушения на великого князя Сергея Александровича (*Зубатов заметно напрягся*) или на министра внутренних дел Плеве. Но в целом лет через девяносто террористы в России будут ежедневно убивать от пяти до пятнадцати человек.

– Сколько??? – полицейский от волнения даже привстал со стула. – Это невозможно!

– К сожалению, так было, – печально вздохнул я. – Причин этому много. Репрессии без реформ неизбежно ведут к пополнению революционных организаций. А желающих умереть героем среди «юношей со взором горящим» всегда хватало. Вы и сами это прекрасно знаете. Мне кажется, что в наших силах сбить эту волну, профилактика всегда эффективнее, чем ликвидация последствий. А последствия, смею вас заверить, гораздо ужаснее, чем десяток смертей в день. Только погибшими Россия за грядущий век потеряет примерно восемьдесят миллионов человек, а это уже две тысячи в день! Так что у меня выбора нет. Я в любом случае буду пытаться что-то делать, поскольку знаю тенденции и причины их возникновения. Но без ваших возможностей толку будет куда меньше.

Вывалив все разом, я испытал немалое облегчение. В конце концов за один день столько на меня одного – это слишком. Пусть теперь у других голова болит.

Зубатов задумался, покрутил в пальцах остро заточенный карандаш, отхлебнул еще чаю, встал и подошел к окну. Постоял у него, рассматривая улицу, вернулся к столу, снова взял в руки мой паспорт, пролистал его...

– Хорошо. Значит, Михаил Дмитриевич?

– Точно так. Михаил Дмитриевич Скамов, 1971 года рождения...

– Сколько вам сейчас лет?

– Сорок девять.

– Сколько???

– Сорок девять.

Зубатов скептически хмыкнул.

– Послушайте, вы не выглядите на сорок девять! От силы лет на тридцать пять – тридцать восемь!

Черт, а я еще считал, что начал стареть...

– Да, у нас больше продолжительность и лучше качество жизни. Мы позже взрослеем и позже стареем. Плюс я всегда выглядел заметно моложе своего возраста. А вообще у нас пятьдесят лет – время расцвета.

Зубатов недоверчиво покачал головой.

– Посмотрите на дату выдачи паспорта – 2016 год. А теперь откройте последнюю страницу. Там написано, в каком возрасте положено его выдавать – сорок пять лет. Если хотите, я еще могу показать фотографии своих ровесников.

– Нет, не стоит... продолжайте.

– Разведен, проживаю... вернее, проживал... или буду проживать, не знаю, как точнее... в Москве, на проспекте Вернадского.

– Это где?

– Это примерно деревни Никулино и Тропарево. Шесть километров или, если вам привычнее, верст, на юго-запад от Воробьевых гор.

– Так далеко?

– Да, громадный город вырос. Пятнадцать миллионов человек, метрополитен на двести пятьдесят станций, небоскребы в сотню этажей...

– Небоскребы?

– Высотные здания, обычно в деловых центрах крупных городов, где крайне дорогая земля.

– Голова кругом идет... – неожиданно признался Зубатов.

– У меня, надо сказать, тоже. Позволю предложить, давайте подумаем о бытовых вещах – еде, ночлеге, одежде... А поговорить о чудесах будущего, я полагаю, у нас будет уйма времени.

К счастью, он мне поверил.

Месяцы после первого разговора с Зубатовым прошли в движухе, когда одно дело цеплялось за другое и все нужно было сразу, при этом нельзя было светить связи с полицией. Спал я по 4–5 часов в сутки, и местные сказали бы, что я ношусь, как оглашенный, но по меркам моего времени это мало отличалось от вполне регулярных авралов в нашей фирме – клиентура случалась капризная и «вводные» поступали в самые неожиданные моменты. Впрочем, на таких вот ситуациях мы здорово наловчились и в организационном, и в расчетном плане.

Устраивать жизнь пришлось с нуля – с поиска жилья и заказа самой обычной одежды, поскольку у меня как-то не вышло прихватить с собой чемодан-другой шмоток. Для начала выяснилось, что тут в качестве нижнего белья юзают кальсоны. С завязками, мать их. А еще тут есть крахмальные воротнички, в которых чувствуешь себя псом в ошейнике. И что крой одежды резко непривычен, не говоря уж о том, что деловой костюм из шерсти тут принято

носить даже в жару. Как тут служивые выживают летом в суконных мундирах, вообще не понимаю.

Первое время я сидел практически взаперти на одной из конспиративных квартир, учил немецкий и учился писать заново – да-да, это оказалось очень непросто после стольких-то лет набора и правки любых текстов на компе. Тут о такой роскоши не приходилось и мечтать, нужно было снова наработывать почерк, да еще и не ронять чернильные кляксы со стального пера, да еще вовремя вспоминать про те самые фиты и яти – каждая написанная мною страница отнимала поначалу несколько часов. Хорошо хоть в раннем детстве на почте в бабушкином городке еще водились перьевые ручки, которыми я пытался рисовать на бланках – ну, или писать под бабушкиным руководством, пока мы ждали вызовы в кабину междугороднего телефона. Со старым правописанием было хуже, тут приходилось больше читать, добиваясь автоматизма и привыкая к стилю.

Через пару-тройку недель подоспели портновские заказы и меня стало можно выпускать на улицу, не рискуя собрать вокруг толпу зевак (хотя некоторые предметы, типа пристегивающихся крахмальных манишек или подтяжек для носков, вызывали у меня дикое раздражение своей корявостью). Я с горечью вспоминал футболки, куртки и джинсы, не говоря уж о кроссовках – в особенности когда натягивал местные ботинки. Нет, сделаны они были на совесть, но вес и удобство...

Ко второй нашей встрече с Зубатовым я худо-бедно записал, что посчитал нужным сообщить по развитию революционного движения в России и вообще о будущем. Вспомнил-то я заведомо больше, но выкладывать сразу все мне показалось тактически неверным ходом. Так что немножко персоналий, немножко событий с упором на 1905 год и грядущую русско-японскую войну, общие тенденции на демократизацию в Европе, ужасы XX века, научно-техническая революция... Не то чтобы это было прям очень нужно, но мне показалось, что, имея представление о том, куда двинется мир, Зубатов будет лучше понимать мои предложения. Уговорились мы с ним так – никаких обязательств я не подписываю, в документах Охранного отделения не упоминаюсь, работаю «личным оракулом» Сергея Васильевича. Ну и бизнес-партнером по совместительству – мы подали на регистрацию двух десятков патентов в Швейцарии. Вскоре там же должны были окончательно оформить специально создаваемую на паях контору, насчет которой и шла так меня раздражавшая переписка на немецком. Но оно того стоило, наш агент уже успел получить отклики на самые первые патенты и даже продать первые лицензии. Бытовые мелочи, вроде пресловутой жестяной пробки, а подняться на них можно очень неплохо.

Жилье нашлось довольно быстро, что называется, «по случаю» – кто-то из знакомых Зубатова съехал и оставил свободной квартиру в доходном доме баронессы Корф в Леонтьевском переулке за углом от Никитской. Грешным делом, я тогда подумал, что обратное переименование московских улиц в последних годах XX века случилось весьма кстати, а то хорош бы я был со всеми этими «Герцена», «Воровского» и «Калинина» вместо Никитской, Поварской и Воздвиженки.

Забавно, что Зубатов совсем было собрался представить меня домовладелице лично, это бы сразу сняло все вопросы, но я успел придержать его и объяснить, что «конспигация, батенька, конспигация!», как будет говорить, по крайней мере в советских фильмах, будущий вождь мирового пролетариата товарищ Ленин, который пока еще Ульянов. Так что пришлось Сергею Васильевичу искать не связанного с полицией знакомого и просить его об одолжении порекомендовать меня, чтобы не дай бог никто не нарыл, что инженера Скаммо вселил в квартиру сам начальник охранного отделения.

Дом по меркам 1897 года был современнойший – с водопроводом, канализацией, газовым освещением и прочими прелестями «самой передовой техники», которая, естественно, казалась мне архаичной и крайне неудобной. Унитаз с чугунным бачком и медной цепочкой,

дровяная плита на кухне, где же вы, где холодильники, микроволновки и кухонные комбайны? Кабинет, спальня, гостиная, комната для прислуги (экономку Марту Шмидт мне «сосватал» управляющий домом), ванная и кухня, почти как у профессора Преображенского. Ну да бог даст – нароботаем и на квартиру со смотровой, столовой и библиотекой, как у него, бггг. В общем, устроился я основательно, хоть и недешево, но поначалу квартира оплачивалась «из секретных сумм», выделяемых Зубатову на оплату агентов, содержание конспиративных квартир и прочие оперативные расходы. Причем отчет за них не спрашивали – лишь бы смутьянов ловил. Так и представляю себе, как у нас какому-нибудь начальнику ГУВД выдают сотню миллионов рублей наличкой и вперед на борьбу с преступностью, а? Нет, люди здесь еще неиспорченные, слово свое держат и при всей коррупции рамки видят. В любом случае затраты эти я собирался вернуть, поскольку вскоре должен поступить на службу. Причем я точно знал, где я хочу работать.

Осень 1897 года

– Котик, ты куда? – миловидная блондинка сладко потянулась в постели, отчего ночная рубашка сползла и обнажила соблазнительное плечико.

Вот, ей-богу, я когда-нибудь ее прибью за «котика»... бесит до зубовного скрежета. Хотя во всем остальном Варвара меня полностью устраивает. Лет ей около тридцати, ну, насколько я мог судить, сама она, разумеется, на эту тему не распространяется. В восемнадцать лет барышню из семьи русских немцев выдали замуж за преуспевающего адвоката, вернее, присяжного поверенного Малицкого, сильно старше ее, что вполне в нынешних обычаях. Но уже пару лет как муж естественным образом покинул сей мир и Варвара осталась молодой бездетной вдовой, успев до того многожды поехать и в Петербург, и в Крым, покататься и по франциям-богемиям со всякими там Баден-Баденами. Сексапильность высокая, рост выше среднего, образование среднее, вес полусредний, поведение легк... нет, полулегкое, легкий у нее характер.

Предыдущий ее кавалер, офицер Несвижского полка, квартировавшего в Хамовнических казармах, полгода тому влетел то ли в служебные неприятности, то ли в растрату и был отправлен с глаз долой, в Туркестан. А тут и я нарисовался, когда она уже измаялась без мужской ласки. Возможно, были кандидаты и поинтереснее, но американский инженер – это в некотором роде экзотика, и мы проснулись в ее постели уже через неделю после случайного знакомства у моей домовладелицы. Опыт у Варвары кое-какой был, но, главное, она не чуралась экспериментов и все у нас сладилось, в особенности хорошо пошел немецкий язык.

– В контору Бари мне надо быть там к десяти часам, *querida*.

Забавно, но такие эпитеты на испанском почему-то убойно действовали на всех моих знакомых женщин. Нет, не на французском, а именно на испанском – а я же у нас калифорниец, до Мексики рукой подать, приходится оправдывать.

– Нуу... котик...

Я вздохнул, изобразил движение мысли и категорически отрубил:

– Нет, не могу, никак нельзя опаздывать, буду к вечеру.

Чмокнул Варвару в плечико и убыл на свое будущее место работы – в «Строительную контору инженера Бари». Как только я выяснил, что она уже существует и сидит под таким названием на Мясницкой, другие варианты трудоустройства даже не рассматривал.

Такая целеустремленность объяснялась просто, еще в годы учебы на меня большое впечатление произвела деятельность Владимира Георгиевича Шухова, без преувеличений великого русского инженера, легенды строительного дела. Ажурная башня на Шаболовке, долгие годы бывшая символом «Голубого огонька», дебаркадер Киевского вокзала, первые русские трубопроводы, паровые котлы (стоявшие, кстати, на приснопамятном броненосце «Потем-

кин»), крекинг нефти, подвесные и мембранные перекрытия – это все Шухов, куда там Эйфелю с его башней и несколькими мостами! Еще студентом я постарался найти и прочитать все, что можно, об этом человеке, а уж когда пришел интернет... Короче, Шухов работал вместе с Бари с конца 1870-х и был главным инженером в этой самой «Строительной конторе».

Поход я готовил тщательно, почти месяц: заказал визитные карточки, по мере сил освежил в памяти расчетные методы, не пожалев для этого заряда планшета, неделю практиковался в вычислениях с немецкой логарифмической линейкой, вспоминал и переносил на бумагу нововведения в строительстве за весь XX век.

На Мясницкую я добрался вовремя. Москва еще совсем невелика и только-только начала выходить из пределов Камер-Коллежских валов, ставших в итоге Третьим транспортным кольцом. За редчайшими исключениями все нужные мне места расположены внутри Садового, что позволило почти всюду передвигаться пешком. Нахаживал я в день километров по десять-пятнадцать, а то и двадцать, отчего за прошедшие месяцы скинул килограммов восемь-девять и хорошо подтянул общий тонус организма.

Немало помогло и правильное питание. Бог ты мой, какое тут масло! А сметана!!! Вот кладешь кусок в рот и сразу понимаешь, что не вата гидропонная, не мясо на анаболиках и не смесь E471 с E232 с добавлением E336, а настоящая, натуральная еда.

А еще регулярное сидение над записками и попытки восстановить и законспектировать полученные в жизни знания понемногу тренировали память. Ну и засыпать я стал как убитый, в одно касание с подушкой, что неудивительно при таких нагрузках и чистом воздухе. Вообще жизнь в центре города здесь была куда как здоровее, чем в мое время, – в первую очередь из-за того, что местные лошадиные силы были исключительно биологического происхождения. Ну да, навоз, но его были обязаны убирать домовладельцы и дворники, а чистая публика поголовно носила кожаные галоши.

Их-то я и поставил под вешалку в парадном конторы Бари, поднялся по лестнице и попросил доложить о моем приходе.

Приняли меня быстро, минут через пять, что характерно, сам Бари и сам Шухов, я аж обомлел. Оба выглядели вполне стандартно для образованных людей тех лет – хорошие костюмы, бородки и усы, разве что Бари предпочел галстук-бабочку и был заметно более седым, чем его младший коллега и товарищ. Что любопытно, Бари тоже «американец» – успел поработать в США и даже получить там гражданство, потом переехал обратно в Россию уже как «иностранец», что в известной степени облегчало ведение дел с непробиваемой российской бюрократией, – и потому после моего появления приветствовал меня на английском.

– Здравствуйте, Александр Вениаминович, здравствуйте, Владимир Григорьевич, давайте лучше на русском, благо мы все тут русские, – улыбнулся я.

– Простите? Вы – Майкл Скаммо? – с легкой оторопью спросил Бари.

– Да, это американизированная форма, а так Скамов Михаил Дмитриевич, к вашим услугам.

– Однако! И как это вас угораздило стать американцем?

– Ну, угораздило не меня, а моих предков, деды-прадеды служили в Русско-Американской компании. Форт Росс, Калифорния – может, слышали?

– Про русскую Аляску знаю, а вот про русскую Калифорнию – извините, нет.

– Да той Калифорнии было один поселочек и полдесятка ферм в округе, так что ничего удивительного, извиняться совершенно не за что.

– Хорошо, давайте ближе к делу. Как вы стали инженером?

– Я закончил Калифорнийский университет, специализировался по физике и механике, затем недолго работал на Тихоокеанской дороге и около пятнадцати лет в нескольких строительных компаниях, а также в управлении строительства Сан-Франциско.

Дальше последовали вопросы об образовании, с чего вдруг сын русского колониста решил стать американским инженером – я поведал мэтрам свою легенду. Дескать, мой «отец» унаследовал от деда ферму и сумел неплохо развернуться. В 1849 году, когда началась золотая лихорадка, продавал старателям продукты, инструмент и тому подобное, затем организовал свое дело, получил несколько правительственных контрактов во время Гражданской войны и семья вошла, по американскому выражению, в top middle class – верхушку среднего класса. Пару раз, когда я вставлял английские словечки и выражения, Шухов взмахом кисти давал понять, что перевод не нужен.

– Почему вы решили приехать в Россию?

– Здесь, насколько я знаю, мало инженеров, есть где развернуться. Ну и зов предков отчасти, – улыбнулся я.

– У вас есть рекомендательные письма?

– Увы, меня сразу по приезду ограбили, могу предоставить только справку из полиции. – Бари нахмурился. – Как раз сейчас я занимаюсь восстановлением документов, но это не быстро, а я бы не хотел сидеть без дела. Я предлагаю испытать меня, а работать я готов до разрешения этого вопроса хоть техником, ибо понимаю ваши сомнения.

И-да, так сурово меня не экзаменовали ни разу в жизни. Самый кошмар, что специализации в инженерном деле еще не проявились, местные инженеры были, что называется, широкого, даже широчайшего профиля. Мне в студенческие годы попался в руки «Карманный справочник инженера» за 1903 год, так чего там только не было! Расчет паровозных колес, сопромат, методы устройства дерновых откосов, способы кладки, циркуляр МВД об электрическом освещении, и все это в предельно компактной и четкой форме. Вот и Шухов с его диапазоном – конкретное подтверждение этому, а я продукт узкой специализации, расчетчик. Хорошо хоть в стройотрядах успел поработать, да по нашим объектам помотаться, мало-мало строительство знаю.

В результате двухдневного марафона (поскольку у принимающей стороны и помимо меня дел хватало, за один день не успеть) теорию я «сдал» на «отлично», практические задачи на «хорошо», а вот то, что именовали технологией строительного производства – с трудом на «удовлетворительно». Правда, тут я вылез за счет послезнания – и Бари, и Шухова очень заинтересовали мои рассказы про бетонные конструкции, в особенности про преднапряженный бетон.

А наибольшее впечатление на них произвела такая простая вещь, как железобетонная надоконная перемычка, покамест неизвестная. Еще бы, как грамотные специалисты, они сразу прикинули, насколько это ускорит строительство вместо выкладки из кирпича клинчатых или лучковых недоарок. Бари загорелся вот прямо сейчас организовать производство на своем заводе в Симоновой слободе, но я предупредил его, что у меня вот-вот будет патент, а пока лучше отработать технологию и подготовить массовое производство, чтобы сразу застолбить рынок как минимум Московского промрайона.

До Варвары я добрался только на исходе третьего дня, потому как вымотали меня коллеги сверх всякой меры, порой не помогали никакие знания и опыт. Она подулась, но припавшая в предвидении такого поворота коробка шоколадных конфет товарищества «Эйнем» сделала свое дело, и мы отпраздновали мое зачисление в штат конторы Бари инженером бурным сексом.

* * *

Втягиваться в профессию я начал одновременно с движением в сторону «передовой молодежи», через которую предполагал выйти на контакт с группами революционеров. Ника-

ких партий еще не было, даже минский междусобойчик, который потом в курсе истории КПСС громко именовали «Первым съездом РСДРП», еще не состоялся, а уж до создания партии социалистов-революционеров было года три-четыре минимум. Потому-то я и пытался внедриться пораньше, чтобы успеть оказать максимальное влияние на самом ответственном, начальном этапе, пока партийные доктрины не заостенели, пока такие знаковые фигуры, как Чернов или Плеханов, еще не делали большого различия между эсдеками и эсерами.

Заводить связи с выходом на известных охранке лиц я Зубатова отговорил ввиду слишком высокого риска сразу же оказаться под подозрением. Подумав, Сергей Васильевич дал мне адреса нескольких частных библиотек «прогрессивного» направления.

Была такая фишка в здешнем обществе: большую личную библиотеку превращали в коммерческое предприятие, когда после уплаты стоимости «абонемента», а по сути страховой и амортизационной суммы, подписчики могли брать книги на дом. Ну и такие библиотеки довольно быстро приобретали ту или иную специализацию, сперва по интересам владельца, а потом все больше и больше по интересам читателей. Интересно, что сам Зубатов «погорел» на библиотеке своей жены, куда активно поперли тогдашние леваки. Мало-помалу от книг они перешли к групповым «собраним читателей», на чем хозяев и прихватила полиция. Зубатов отбойрился и даже был принят на службу, где и начал делать карьеру, будучи хорошим интуитивным психологом и, судя по результатам, отличным вербовщиком – немало революционеров после многочасовых бесед-чаепитий с этим гением охранки стали агентами полиции. Об этом с гордостью мне поведал он сам, назвав даже пару-тройку фамилий, которые я постарался накрепко запомнить.

Библиотека семьи Белевских славилась широким выбором специальной литературы, что неудивительно, отец, Семен Аркадьевич, командовал рядом частей и даже военных округов, успел послужить и по губернаторской части, старший сын подался в юристы, младший в агрономы, дочка тяготела к биологии и медицине. А поскольку отец по службе отсутствовал в доме месяцами, а библиотекой рулили дети, неминуемо произошел крен в сторону прогрессивных тенденций. Вот к Белевским я и нацелился. В первую очередь потому, что их квартира была ко мне ближе всех остальных – каких-то десять минут неспешного хода до Гранатного переулка, но я даже не предполагал, насколько это будет удачный выстрел.

Швейцар новопостроенного доходного дома направил меня в бельэтаж по роскошной мраморной лестнице, застеленной ковровой дорожкой. Рядом с солидной дубовой дверью висел механический звонок – барашек с табличкой «Прошу повернуть», что я немедленно и сделал. Открыла мне горничная, которой я сообщил о цели визита, отдал пальто и шляпу и даже успел достать из внутреннего кармана визитную карточку для доклада хозяевам, но тут открылась одна из четырех дверей в прихожую и встречать меня вышла совсем молоденькая девушка лет семнадцати-восемнадцати.

– Добрый день!

– Здравствуйте, мне рекомендовал вашу библиотеку Владимир Григорьевич Шухов.

– Да, прошу, проходите.

Библиотека оказалась сразу за прихожей, в огромной комнате, зашитой минимум на три с половиной метра вверх, до самого потолка, обстоятельными дубовыми полками с книгами. Два стола с лампами, два кресла, передвижная лесенка, чтобы доставать книги с верхотуры, ящичек с картотекой и примерно пять тысяч томов. Девушка раскрыла нечто напоминающее журнал учета и вопросительно подняла на меня пронзительно-голубые глаза.

– Инженер Майкл Скаммо, можно просто Михаил Дмитриевич, – я передал девушке свою карточку.

– Наталья Белевская, очень приятно. Майкл? Вы англичанин?

– Формально – американец, – улыбнулся я в ответ, – мои родители были русскими поселенцами в Калифорнии.

– Ой, как интересно! Золотая лихорадка, морской зверь, дикие индейцы...

– Ну, дикие там скорее те, кто сгоняет индейцев с земли, не чураясь никаких методов. А так да, интересная земля, недавний Фронтир, но он быстро уходит, его вытесняет современная цивилизация.

– А вы расскажете? Ой, давайте я вас сначала запишу!

После небольших формальностей и уплаты нескольких рублей за абонемент, я поинтересовался у Наташи, как она просила ее называть, есть ли в библиотеке книги по юридической практике землеотвода в городах. В последнее время у меня росла и крепла одна идея, вот я и решил подковаться в этом вопросе.

– Вы знаете, Михаил Дмитриевич, это лучше спросить у моего старшего брата, тоже Михаила. Он должен прийти самое позднее через полчаса, и он как раз юрист. Если вы не торопитесь, подождите его здесь, а я спрошу вас про Америку, если вы не возражаете, – мило улыбнулась Наташа.

И меня с этой улыбки аж повело.

Вот куда ты, старый черт, девчонка же совсем? Но была, была в ней искра, ради которой совершают подвиги. Пришлось отвлекаться на дыхание и разглядывание книжных обложек, но спас меня приход Михаила. С грехом пополам я обрисовал ему мои замыслы, получил на руки три юридических сборника по его выбору, дал обещание непременно прибыть на «чайный четверг» – журфикс для наиболее активных читателей – и рассказать об Америке и наконец-то удрал домой.

Уфф...

* * *

Зубатовские дела понемногу набирали ход. Его докладная записка о положении дел среди московских рабочих и предлагаемых мерах для улучшения их положения и блокирования социалистической пропаганды получила поддержку и у недавно назначенного обер-полицмейстера Трепова, и даже у московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича. Прямо как чуяли, что вскоре сами станут мишенями для террористов.

В общем, мы с Сергеем Васильевичем накропали тезисно программу «экономической грамотности», которую и начали потихоньку внедрять – с разъяснений арестованным за беспорядки рабочим и создания для них курсов. Программа была крайне умеренная, сплошной тред-юнионизм, но я предполагал, что разнообразные революционные группы не упустят такой шанс и постараются взять преподавание – и если не прямое руководство, то консультативное направление в грядущих рабочих обществах – в свои руки. По ходу дела мы работали и над «списком террористов», начиная с уже завербованного полицией Азефа. Я понемногу вспоминал и остальных – Гершуни, Каляева, Дору Бриллиант, Абрама Гоца, Егора Созонова, Лейбу Сикорского, Богрова...

В какой-то момент Зубатов спросил:

– Как, по-вашему, Михаил Дмитриевич, почему среди революционеров так много евреев?

– «Репрессии без реформ», все тот же самый принцип, самая подавленная группа населения с минимальными возможностями для самореализации, – и я сделал попытку изложить свое видение проблемы, приведя аналогию с паровым котлом. – Если в котле повышать давление и при этом закручивать клапана, то пар прорвется в самом слабом месте, а то и разорвет котел на клочки. Евреи живут под социальным и религиозным гнетом, их очень удобно делать козлами отпущения, и при этом они ограничены и чертой оседлости, и рядом других установлений, мешающих самореализации.

– Но, помилуйте, банкиры, врачи, музыканты? В конце концов почти вся торговля в Одессе, крупнейшем порту империи, – удивился шеф охраны.

– Да, но это небольшой процент. И даже они живут в постоянном ожидании того, что им ткнут в нос происхождением. Оттого их и выдавливают либо в эмиграцию, либо туда, где они легко становятся заметными фигурами и даже лидерами – в подполье. Евреи поголовно грамотны, имеют какое-никакое образование и воспитанную веками взаимовыручку и потому заметно выделяются в революционном движении.

Я сделал паузу, вздохнул, переложил пару листов, соображая, не рано ли запускать пробный шар, но потом решил, что я ничего не теряю, и рассказал Зубатову про сионизм. Про то, что вот прямо сейчас, в конце XIX века, происходит оформление еврейского политического движения за создание национального очага в Палестине. Про то, что туда едут молодые люди, чтобы работать на земле, про Теодора Герцля и Сионистский конгресс в Швейцарии (вот черт, совсем не помню, когда его провели, но в конце века точно) и что есть смысл это движение поддерживать. И в России напряжение снизится, да и Османской империи, в чьем владении нынче Палестина, лишняя проблема не помешает. Тем паче что иудаизм – очень замкнутая конфессия, и гораздо легче увлечь их чисто еврейским проектом, нежели втягивать в общероссийское движение.

Зубатов воспринял информацию несколько скептически, но потом все-таки навел справки о сионистах, о чем и сообщил в одну из наших встреч.

* * *

По скользким ноябрьским тротуарам, кое-где посыпанным песочком, но кое-где и солью (ага, проблеме побольше ста лет), я доковылял до Гранатного, благо недобрый ветер со снегом дул в спину. Кожаный портфель заметно оттягивал руку, в нем, кроме моего инженерного хозяйства, лежало несколько библиотечных томов. «Детство Темы» и «Гимназисты» Гарина-Михайловского, «Воспоминания» Дебогория-Мокриевича и выданная мне под большим секретом книжка Кропоткина «Хлеб и воля», вернее, «Завоевание хлеба», как она называлась на французском. Взял я ее, чтобы не огорчать Михаила Белевского, ну и посмотреть, смогу ли я что-нибудь понять из французского текста. Руку мне оттянуло знатно, портфель, невзирая на тонкую бумагу и коленкорные переплеты книг, весил чуть ли не полпуда, я еще подумал, что хорошо бы найти толкового скорняка и заказать ему пару-тройку изделий, вроде кожаной барсетки с ремнем через плечо.

«Четверг» у Белевских был в разгаре – присутствовало человек двадцать молодежи, но обычного шумства не было, поскольку днем ранее прибыл Семен Аркадьевич и ожидался его «выход к народу». Почти сразу Наташа подвела ко мне незнакомого молодого человек, не то студента, не то гимназиста, с вихрастыми волосами над высоким лбом и едва-едва пробивающейся растительностью над верхней губой. Но взгляд у парня был неожиданно твердый и уверенный.

– Вот, Михаил Дмитриевич, познакомьтесь, это Боря, мой друг детства, я ему много о вас рассказывала.

– Очень приятно, инженер Скамов, Михаил Дмитриевич, – я протянул руку для пожатия.

– Взаимно, студент-юрист Савинков, Борис Викторович.

Осень 1897 года

Вот это номер! Сам Савинков, будущий глава Боевой организации Партии социалистов-революционеров! Писатель, террорист, министр Временного правительства – по сути, первая историческая личность на моем пути, если не считать Зубатова! Мало сказать, что я

был огорошен, поначалу я даже не принимал участия в общем разговоре, хотя был чем-то вроде гвоздя программы – большинство пришли послушать и поглазеть на «американского инженера».

Двери из библиотеки в гостиную были распахнуты, принесены еще стулья и кресла, на них расположились восемь-девять барышень в платьях с рукавами-буфами по текущей моде. Вокруг них вилась дюжина молодых людей, все больше студентов и гимназистов, и пара-тройка мужчин постарше, один даже в тужурке инженера-путейца. Это были знакомые и знакомые знакомых младших Белевских, принадлежавшие по преимуществу к «прогрессивной молодежи».

Чтобы прийти в себя от радости нежданной встречи с Савинковым, я двинулся в гостиную, где на обширном дубовом столе под белой скатертью стоял графин с водой. Пока некий молодой человек в студенческом мундире выдал речь о демократии, за образец которой он считал САСШ, я успел выпить стакан. Федеральное устройство и всеобщие выборы вызвали решительное одобрение присутствующих, студент даже пару раз сорвал аплодисменты. Правда, хлопали ему все больше девушки, ради которых он, видимо, и витийствовал.

Оратор перешел к разделению властей, все чаще поглядывая на меня искоса, вероятно, ожидая моего выступления в поддержку. Реноме себе я за прошедшие встречи составил без малого социалистическое, так что ожидания эти были небезосновательны. Но мне подумалось сыграть от противного и после пары реплик-возражений я, ухватив паузу, выдал полноценную политинформацию о том, как устроена демократия в Штатах. Со всеми ее подкупками на выборах, с дикой коррупцией в полиции, с откровенной дискриминацией даже по отношению к белым. Да-да, к белым – ирландцев в Америке гнобили и продолжают гнобить, таблички No Irish need apply проживут еще лет десять. Собравшиеся буквально открыли рот, а я добавил про истребление индейцев, самозахваты, невозможность отличить шерифа от бандита на Диком Западе – в конце концов, фильмы про индейцев и ковбойцев мы все смотрели, Гойко Митича помним с детства. А войны за ресурсы, которые вели частные компании, нанимая по сотне-другой головорезов, произвели эффект разорвавшейся бомбы. Не то что в сонной Европе, но даже и в российской Сибири было невозможно представить, что разнимать «спор хозяйствующих субъектов» приходилось кавалерийскому полку с пушками.

Сеанс черной магии с последующим разоблачением я счел удавшимся, даже слишком – все время, пока я держал спич, Наташа не сводила с меня глаз.

Закруглить я попытался пассажем про молодой американский империализм, про «Доктрину Монро», согласно которой САСШ намерены заправлять всеми делами в Латинской Америке и что они непременно будут к этому стремиться.

– И как, по вашему мнению, они этого добьются? – раздался вопрос от двери, откуда, пока мы толкали речи, незаметно вышел сам хозяин.

Генерал-лейтенанту Белевскому было под шестьдесят, был он невысок, широкогруд, с хорошим русским лицом и густой бородой – переодень в армяк, ни за что не отличишь от крестьянина центральных губерний. По его появлению возникла суета, знакомые поспешили засвидетельствовать почтение, незнакомые вроде меня были представлены, но через несколько минут вихрь затих и все вернулись на свои места, уступив генералу одно из кресел. В этой суматохе Михаил успел мне шепнуть, что Семен Аркадьевич сейчас ведает одним из отделов в Главном штабе и вообще интересуется «вестями с полей».

– Так как же Североамериканские Штаты намерены устанавливать свою гегемонию на континенте, мистер Скаммо?

– Методы проверенные – подкуп правителей, если они готовы продаться, или устройство переворотов, если не готовы. По необходимости применение военной силы, от посылки канонерок до полномасштабной войны.

Общие слова генерал-лейтенанта не устроили, и он затребовал конкретики:

– С кем же? С Канадским доминионом прекрасные отношения, с Мексикой последние сорок лет тоже все спокойно, Испания Америке не враг...

– Вот как раз с Испанией, и в самое ближайшее время.

– Это довольно оригинальное суждение, на чем же оно основывается?

– В первую очередь на экономических интересах, – начал я курс политэкономии. – Страна вышла к Тихому океану и обустроивается на его берегах, ведет экспансию, как уже было сказано, в Латинскую Америку и развивает торговлю в Азии. Оттого жизненно важна стала достройка Панамского канала. Но для прочного владения каналом требуется контроль над Карибским бассейном, а для торговли в Азии – опорная база у ее берегов. И война с Испанией позволяет убить этих двух зайцев разом, отняв Кубу, Филиппины и, может быть, Пуэрто-Рико.

Белевский хмыкнул в усы и повернулся к сопровождавшему его капитану, с моей точки зрения идеально подходящему под определение «гвардейский хлыщ» – затянутый, прилизанный, в шегольских сапогах и мундире из дорогого сукна. Повинуясь кивку генерала в мою сторону, офицер представился собранию как барон Зальца 3-й и немедленно кинулся в бой, тем более что ему явно не понравились взгляды Наташи в мою сторону.

– Полагаю, что вы ошибаетесь, мистер Скаммо. Во-первых, у Америки недостаточная армия для войны с европейским государством такого масштаба, всего несколько десятков тысяч штыков. Во-вторых, на Кубе и на Филиппинах имеются крупные армейские силы, которые Испания сосредоточила там для борьбы с инсургентами, – барон излагал методично и четко, вероятно, он был из корпуса офицеров Генерального штаба. – В-третьих, у Америки нет и вряд ли будет повод для нападения на Испанию, а сама Испания никогда не нападет на Америку. В-четвертых, если Соединенные Штаты совершат неспровоцированное нападение, это вызовет возмущение европейских держав, и Америка окажется в положении изгоя.

– Все это верно с позиции европейской военной мысли, однако должен отметить, что отношение к боевым действиям в Штатах несколько иное. Там воюют за деньги, если так можно выразиться, в любом конфликте Америка преследует свой финансовый интерес. И сейчас этот интерес высок как никогда. Если вы прочтете американские газеты за последние полгода, то легко увидите, что обвинения в адрес Испании нарастают и что за это же время армия увеличена с тридцати до ста тысяч человек. На мой взгляд, это несомненный признак близкой войны – зачем тратить деньги казны на федеральную армию, если не воевать?

– Это какой-то торгашеский подход! – возмутился фон Зальца.

– Именно. Знаете, есть злая поговорка: «Чтобы договориться с американцем, надо договориться с его кошельком».

– Но у Испании все равно больше сил, сейчас в колониях свыше 150 тысяч штыков.

– Да, но у них устаревшее оснащение и, что гораздо важнее, крайне уязвимое снабжение, испанский флот слаб, а у американцев много новых современных кораблей. Так что первая часть войны будет морская – блокада, разгром испанского флота и только потом высадка десантов. А помянутые инсургенты будут только рады помочь американцам – впрочем, они и сейчас получают оружие и снаряжение от Америки.

– А как же *casus belli*? Я уверен, Испания его не даст, и это обесценивает все ваши построения!

– Если гора не идет к Магомету... – я сделал легкую паузу, – значит, Америка создаст этот повод. На кону стоят миллионы долларов, американские денежные мешки не замедлят заказать и оплатить любую провокацию.

– Знаете ли, это совсем из ряда вон! – картинно воскликнул фон Зальца.

Честно сказать, я уже сам пожалел о том, что влез в спор, но отступить было поздно, поэтому пришлось гнуть свою линию до конца.

– Да, таковы реалии, американские миллионеры, если не сами разбойники с большой дороги, то сыновья или внуки таковых.

– Ну... если вы так уверены, хотите пари? – барон галантно поклонился. – Я предлагаю...

– Победителю достанется мой поцелуй! – внезапно перебила его вспыхнувшая Наташа.

Публика ахнула, Белевский-старший каким-то образом обратил это в шутку, а я настолько обомлел, что повелся. Мы хлопнули по рукам в присутствии арбитров – Семена Аркадьевича и того самого инженера-путейца.

– Смотрите, не подведите! – не упустил поддеть меня капитан, – Значит, в ближайшее время?

Вот чего я полез, а? Вроде в 1898 году, вроде где-то весной, но точно я не помню... да и бог весть как тут идут события, сам-то я наворотить не успел, но мой перенос вполне мог быть частью какой-нибудь большой встряски. Ладно, двум смертям не бывать.

– В пределах трех-четырех месяцев. Сперва морская фаза, потом сухопутная, потом оккупация. Ну а позже можно ожидать очередной революции в Колумбии с установлением про-американского режима или, того проще, провозглашения независимости Панамы от Колумбии. Мелкое государство будет нуждаться в защите, и тут добрый дядя Сэм, исключительно из-за приверженности идеалам свободы и демократии, поможет маленьким, а взамен попросит какую-нибудь мелочь, вроде бессрочного пользования зоной будущего канала.

* * *

До Спасской заставы я доехал на конке, а дальше по сложившейся привычке решил пройтись пешком. До Симоновой слободы, где меня ждали несколько дел, было километра три, полчаса скорым шагом.

Зубатовская ячейка на кожевенном заводе ждала лектора, на заводе Бари сделали пробные надоконные перемычки и... кульман. Когда я первый раз увидел чертежников в строительной конторе, я поразился, что они сидят за обычными столами, разве что с немного наклоненной поверхностью и работают обычными же линейками да угольниками. На весь чертежный зал не было ни единого кульмана! Оказалось, что этот привычный мне с молодости и такой удобный инструмент тут еще неизвестен! Я тогда объявил Шухову, что мной еще два года назад была подана заявка на патент и что производством должна заниматься немецкая фирма Франца Кульмана во Вильгельмсхафене, но пока суть да дело, чего бы нам самим не сделать себе такой на пробу? Принцип простейший, пантограф да угломерная головка, к которой прикреплены две взаимно перпендикулярные линейки... Шухов въехал сразу, несмотря на мой кривенький эскиз, в котором я попервоначально забыл о противовесе, но через пару дней мы доработали чертежи и отдали их в работу. А уже через неделю с завода сообщили, что было невредно посмотреть на то, что получается, и подправить, если будет нужно.

Дорога вела от заставы на юг, где-то справа была Москва-река, где-то слева, судя по сильному запаху, городские бойни. Шел я там, где в мое время был самый что ни на есть «центр города», а сейчас здесь местный МКАД, Камер-Коллежский вал. Впрочем, «московские» домики с дощатыми заборами ничем не отличались от таких же патриархальных, но уже «замкадовских» строений. И там, и там заснеженные овражки, крики петухов и домашней скотины. Большая деревня, вот точно – такие же домишки стояли по всей Москве, правда, в пределах бульваров их оставалось все меньше, да и живности в них держали разве что собак и кошек.

Ориентировался я все больше по направлению – если в центре уцелевшие до XXI века здания попадались чаще, то в этих краях почти ничего знакомого еще не построили, да и табличками с названиями улиц власти не злоупотребляли.

Ворота Крутицких казарм были распахнуты, за ними на плацу строились кавалеристы, вернее, жандармы – уж больно характерные султаны торчали над полицейскими шапками. В холодном воздухе были слышны неразборчивые команды, топали копыта, всхрапывали кони, лязгали ножны о пряжки сбруи и над людьми и лошадьми поднимался пар.

Симоновский вал, припорошенный свежим снегом, вел меня дальше, но, малость не доходя до обнесенных валами пороховых складов, у ворот кирпичного, что ли, завода нарастала толпа в три-четыре сотни человек, заметил я и десятка полтора городских в отдалении. По мере приближения стало видно и слышно рабочего в коротком пальто или бушлате, стоявшего на бочке среди таких же явных работяг, работниц и вездесущих пацанов.

– Смотрите, что делается, люди! С лета сверхурочными замучали! Вздохнуть некогда! Вроде дают копейку заработать, да с того заработка и помереть недолго! Шутка ли, по шестнадцать часов в заводе! – при каждом слове изо рта вылетали облачка пара.

Толпа колыхалась, слушала и негромко гудела.

– А кто на сверхурочных горбатится не хочет, тем штрафы на блюбочке, на-ко вот, чтоб не артачился! – покрасневший от холода кулак поддерживал взмахами каждую фразу.

– Верно! Верно! – раздалось в разных местах голоса, но тут из здания рядом с воротами вышла группа почище – видимо, дирекция да мастера. Толпа тревожно загомонила и качнулась навстречу.

– Чего вам еще надо, православные? Работа есть, крыша над головой есть, не голодаете, – громко начал откормленный бородач в шубе и бобровой шапке.

– Ага, гнилье из заводской лавки жрем, хуже скотины! – выпалили из толпы.

– И праздничных дней лишают! – подхватил оратор с бочки. – Жадность давит, что люди Рождество да Святки гуляют, срезать придумали! По шестнадцать часов ломаешься, дак еще это! Без отдыха даже лошади дохнут, а мы люди!

– А штрафы? Заболел – штраф! Не был в церкви – штраф! Закурил в обед – штраф! Не нравишься мастеру – штраф за поведение! Громко заговорил в рабочей казарме – штраф за тишину! Что мастеру в голову взбредет, за то и штрафуют!

– Дак для того вам жилье и построили, чтобы не песни орать, а отдохнуть было где! – снова попытался перебить бородач.

– Ага, построили, да из жалованья за него три шкуры дерете!

– А больницу для вас строят? – гнул свое откормленный.

– Ууу, сука! – раздался из толпы злой голос. – То-то, что больница! На прошлой неделе троих искалечило! А за месяц еще пятерых! Этот год семерых похоронили! Больница, тьфу! Раньше в гроб загоните! – и голос матерно выругался.

– А не нравится – пойди поищи, где лучше!

– Да пошел ты сам! – рабочие двинулись вперед и вынесли бородача на тумачах.

Тот с мастерами поспешил ретироваться в сторону заводоуправления, обронив шапку, которую сразу же затоптали. Толпа проводила их свистом, а мальчишки крепкими снежками. Стоило только первому белому пятну вспухнуть на спине бородача, как толпа заулюлюкала, еще несколько снежков и ледышек попали в подручных, сбив с одного из них картуз, а потом кто-то угодил в окно, расколотив его вдребезги. Люди буквально взревели, и в сторону хлопнувшей за бородачом с присными двери полетело уже все, что попало под руку.

Минута – и ни одного целого стекла.

– Стачка! – прокричал, надсаживаясь, тот самый работяга в бушлатике.

– Стачка! Стачка! – ответил ему десяток голосов с разных сторон. – Надо выборных! Наказ составить, чего от хозяев требуем!

– Точно! Филька, пиши!

Требования были понятные и простые – не лишать праздников, не принуждать к сверхурочным, не давить штрафами, исправить опасное оборудование, жалованье выдавать день-

гами и вовремя, расценки не снижать... Кто-то заикнулся о школе для заводских, на него шикнули, не до школы сейчас. Также не прошли столовая и читальня, а вот предложение использовать штрафы только на пособия больным было встречено одобрительно.

Я попытался протиснуться поближе, чтобы лучше слышать, но меня ловко оттерли в сторону трое рабочих, один, по виду вожак, боднул меня тяжелым взглядом:

– А кто будешь, господин хороший? Филер?

– Инженер Скамов, с котельного завода Бари.

– А ну побожись!

– Вот те крест! – пришлось перекреститься. Бари – это была хорошая рекомендация, на его заводе в отличие от соседей-капиталистов рабочих не донимали штрафами и платили побольше.

– Ба-ари, – завистливо протянул один из троих, крепкий коротышка со здоровенными кулачищами. – У Бари хорошо, в обед щи да каша от завода, да чай с хлебом от пуза весь день.

– И фершал свой, и работа десять часов всего, – поддакнул третий, высокий и тощий мужик, вот ей-богу, у него должна быть кличка «Жердь».

– А здесь что трешь? – продолжил расспросы первый.

– Послушать хочу, да может и подска...

– Жандармы!!! – наш разговор перебил истошный вопль.

Со стороны Крутицких казарм рысцей подходила полусотня. Надо полагать, хозяева заранее уведомили полицию и власти, а те позаботились подтянуть не только городских, но и кавалерию.

– Р-р-разойдись! – заорали воспрявшие городские. – Разойдись! По домам!

И двинулись редкой цепью на рабочих, отесняя их от заводской конторы. Оттуда немедля за спину полицейским порскнули мастера, а следом и дородный бородач, в каком-то картузе вместо затоптанной шапки. И вот нет бы ему помолчать, так напоследок злорадно скрутил толпе фиги:

– Нако-ся вам! Выкусите! Всех согну!

– Ннна! – заткнул ему рот ком мерзлой земли, брошенный сильной рукой.

Рабочие заржали, и понеслась! Камни, ледышки – все, что было под рукой, полетело в сторону ненавистного хозяйчика, задевая и мастеров, и городских. В задних рядах бабы начали выталкивать пацанов в сторону, кое-кто из осторожных и сам потихоньку отходил подальше. Вставшая было поперек улицы полусотня, повинаясь команде, пошла рысью вперед и врезалась в толпу. Засвистели нагайки, работяги отбивались дрекольем, кто-то курочил забор, выламывая доску, лошадей били по ноздрям, но куда там – пеший конному не противник. Несколько стачечников повалили, зацепили и поволокли к конторе, толпу разрезали на несколько групп, крепкий мат и свист с улюлюканьем заглушали ржание лошадей. Мгновенным кадром врезался в память тот коротышка в хрестоматийной шадровской позе, выламывающий из мостовой булыжник, оружие пролетариата, эти его... Меня толкали, дергали и понемногу выпихнули в сторону одного из ближайших домиков, стайка баб и мальчишек теснилась в углу у крыльца, куда их загнала пара жандармов. Один, потерявший в этой свалке форменную шапку и оттого озверевший, давил конем, орал что-то неразборчивое и лупцевал сверху крест-накрест шашкой плашмя. Пацаны пытались сжаться, бабы голосили, но с каждым ударом кто-то падал или оседал на землю, пытаясь закрыть руками хотя бы голову.

– Уйди, окаянный! – закричала работница, прикрывая двух ребятишек раскинутыми руками, и тут же упала, держась за рассеченное лицо ладонью, между пальцев которой брызнула кровь. Первобытный ужас сковал было меня, но мелькнувшая мысль: «Хотел бороться за светлое будущее? На вот, борись!» – пробила ступор, и я бросился вперед, еще не понимая, что буду делать. Я схватил жандарма за португею и что было сил заорал:

– Прекратить! Немедленно прекратить!

Жандарм обернулся ко мне белым от бешенства лицом и замахнулся, я отпустил ремни и по наитию со всей силы поддал его под сапог, выбивая из седла. Он вцепился в повод в попытке удержаться, но завалился на бок и грохнулся оземь. Но тут второй жандарм ловко развернулся с конем и врезал мне наотмашь.

* * *

Родившийся в 1890 году Митька выжил, несмотря на голод 1891 года, крепко ударивший по их Шершневу, да и по всей России. Отец, балагур и рассказчик, не крестьянствовал, как и многие мужики вокруг, а жил с отхожих промыслов, все больше землекопом или каменщиком – и в Мосальске, где строили мелкие рогожные да пеньковые фабрики, и даже в самой Калуге. Да и Белокаменная была рядом, потому сеяли в деревнях все больше коноплю, шедшую на пеньку, паклю да масло, вот с заработков и пережили неурожай.

Мать с молодости считали первой певуньей на деревне, и к шести годам Митька знал все ее песни, да и как не знать, если пела она долгими зимними вечерами за рогожным станом, а он крутился рядом, стараясь хоть чем-то помочь. Рогожи выделывали почти в каждой избе, кое у кого и станом стояло не один, а два, натканное собирали местные оборотистые мужики и сдавали на фабрички, откуда конопляная продукция расходилась по всей России.

От отца Митька выучился хорошо плясать, сопровождая свои танцы присловьями да прибаутками, от матери – песни играть. Потешного мальчика часто звали на деревенские свадьбы, откуда он приносил поначалу пироги, а потом и пятаки, а то и гривенники, коли дом был побогаче. Так оно и шло лет до семи, когда отца на стройке придавило сорвавшимся бревном и он в три дня угас.

После похорон в дом зачастили черницы-монашки, узнали о Митяевых плясках да песнях и преисполнились жалостью к мальцу, «губящему свою душу». Наставлять на путь истинный повели в темную курную баню, наговорили всяких страшилок, а под конец, засунув мальчишке за пазуху жабу, выскочили в предбанник и завыли по-звериному. Митяй сомлел и больше часа провалялся в обмороке, а когда оклемался, плясать да петь перестал, так вот подействовало «вразумление». Пришел конец и тем невеликим копейкам, которые он приносил в дом.

Прокормить пятерых детей было ой как непросто, несмотря на то что старшая сестра, двенадцатилетняя Матрена, помогала с утра до вечера у рогожного стана. Мать все больше задумывалась о том, чтобы отдать девятилетнюю голубоглазую Дашу портнихе в учение.

В дом несколько раз приезжали незнакомые люди, о чем-то говорили с матерью и наконец, ближе к весне, появилась круглая старушка в городском пальто с меховым воротником. Умильно улыбаясь, она высыпала на стол горстку каменно-твердых пряников и слипшихся леденцов и, пока Митяй с сестрами и братишкой делили это неожиданное богатство, отсчитала матери денег и велела Даше собираться. Мать при прощании плакала, сестренка тоже размазывала слезы по круглому лицу и пухлым губам, так вот и увезла старушка Дашу со всем ее нехитрым скарбом на станцию.

Больше Митяй сестру не видел.

Конец 1897 года

Ни о какой плавности хода не приходилось и мечтать, вагон шарахало на стыках и стрелках так, что будь здесь знаменитый железнодорожный чай в подстаканниках, одна половина пассажиров облилась бы, а вторая разбила себе губы. По этой же причине не водилось еще и вагонов-ресторанов, зато на каждой станции были кубовые, где пассажиры третьего класса

могли набрать кипятка, а для первого и второго классов – буфеты, где во время продолжительных остановок можно было весьма недурно перекусить.

А в окне показывали не сильно приглядный сериал «Россия – бедная страна». Причем эта бедность и неустройство проявлялись не только в страдавших от выкупных платежей центральных губерниях, но и в казачьих областях, где никаких выкупных отродясь не было – и на Дону, и даже на благодатной Кубани. Исправные дома и заборы попадались куда реже, чем некрашенные, покосившиеся, разломанные или вросшие в землю. В отличие от той же Европы, где на каждый квадратный метр было вложено золота в десятки, а то и сотни раз больше, редконаселенная Россия не выработала еще привычку относиться к окружающему с заботой. Да и то, крепостное право отменили менее сорока лет назад, полным-полно было вокруг тех, кто начинал свою жизнь в качестве «живой вещи». Так что вечная неухоженность, даже слегка прикрытая свежим снегом, прямо-таки бросалась в глаза. В поезде я оказался до того, как успел залечить след от шашки, поскольку новороссийский полицмейстер сообщил Зубатову, что для маленькой операции по легализации «инженера Майкла Скаммо» все готово, требуется только мое личное присутствие. Чтобы не затягивать на лишний месяц, нужно было успеть до Рождества, вот я и отправился путешествовать к морю по российским железным дорогам в вагоне второго класса с пересадкой в Екатеринодаре.

Унылые картинки еще больше укрепили меня в том, что гражданской войны надо избежать любой ценой, иначе и без того невеликий уровень жизни уйдет в ноль, а местами и в минус. Нет, я и раньше это знал, но вот увидел и прочувствовал только сейчас.

Глядеть в окно непрерывно было тяжело, я перемежал это малополезное занятие изучением немецкого, в котором делал изрядные успехи, не в последнюю очередь благодаря Варваре.

В Новороссийске меня с подачи полицмейстера вывели на почетного консула САСШ, местного негодяна Триандафилиди. Он оказался моим полным тезкой – Михалисом Димитриосом, да еще и крупным акционером цементного завода, на который у меня было поручение от Бари, взявшегося за бетонную тему всерьез. При знакомстве мы порадовались совпадению имени и отчества, а после визита на завод и обеда в ресторане, на который я пригласил консула, я поведал ему мою печальную «историю». Все было решено в один день, благо стараниями полицмейстера в записи таможни и порта о пассажирах французского парохода «Прекрасная Луиза» были внесены дополнения в виде моей фамилии. Пароход этот был выбран не случайно – он утонул полгода тому где-то среди Ионических островов вместе с судовыми документами. Так что опровергнуть вожделенную справку, выданную задним числом и подписанную Триандафилиди, о том, что гражданин САСШ Майкл Скаммо действительно сошел с корабля на территорию Российской империи в апреле 1897 года и зарегистрировался у почетного консула, теперь будет весьма непросто. А со всеми этими бумагами, включая копии из таможни и порта, уже можно было ехать в американское посольство в Петербурге и получать новый паспорт. Технически это можно было бы сделать и у консула в Москве, но Зубатов рекомендовал именно Питер.

До Екатеринодара я добрался местным поездом, оттуда уже шел прямой до Москвы, и сдал в багажный вагон за целых шесть копеек уже два чемодана – с вещами и дарами новороссийского полицмейстера московским коллегам.

В купе со мной сел казачий офицер, подъесаул Болдырев, чистый пан Володыевский – невысокого роста, залихватски усат, ладно скроен, эдакий живчик с хитрым прищуром. Мы неожиданно хорошо сошлись, в основном потому, что он предпочитал не карты, как большинство офицеров, а шахматы, за которыми мы и проводили время. Он все косился на мой рубец на лице и в конце концов не выдержал, спросил:

– Михаил Дмитриевич, простите великодушно, уж больно на след от шашки плашмя похоже, кто это вас?

– Помилуйте, где я и где шашки?

Болдырев недоверчиво хмыкнул, но от дальнейших вопросов воздержался, а я погрузился в воспоминания.

Наметанный глаз не обманул Болдырева – меня спасла меховая шапка, но удар был столь силен, что очнулся я тогда на ломовой телеге, мимо медленно проплывали те самые патриархальные домишки вдоль Камер-Коллежского вала, а рядом лежало еще несколько тел. На облучке, или как он там называется, сидели извозчик и городовой, еще один полицейский шел сзади, следом гнали два десятка арестованных.

Досталось работягам крепко: даже не считая избитых до потери сознания, было много шишек, фингалов и ссадин, хватало глубоких рассечений, как минимум одна сломанная или вывихнутая рука, которую баюкал седоусый рабочий.

По соседству повернулся и открыл глаза коротышка с кулачищами, тяжело вздохнул, повозился и сел, сплюнув на землю кровь. Некоторое время он сосредоточенно шевелил языком во рту, а потом полез туда пальцами и вынул зуб, сопроводив это крепким словом. Обтерев руки о пальтишко, он заметил меня:

– Итить, инженер? А тебя-то за что?

– Баб защитить хотел.

– А ну там молчать! – прикрикнул городовой, и мы перешли на шепот.

– Правильные вы там у Бари. Федоров Иван, слесарь. – и он протянул мне мозолистую лапищу.

– Молчать! – снова рявкнуло сверху. – Сейчас высажу, пешком пойдете!

Голова еще кружилась, Иван тоже был не ахти, так что мы предпочли замолкнуть, судя по всему, у нас будет время наговориться в камерах Рогожской части, куда нас вскоре и привезли.

Работяг загнали во двор и поставили под конвоем перед арестантским домом. Кружился снег, время шло, слышно было, как в здании часы два раза отбили четверть, значит, прежде чем перед нами явилось начальство, мы мерзли во дворе не меньше получаса. Я с удивлением узнал пристава, с которого и началась моя здешняя эпопея, Кожин прошел вдоль строя, мазнул по мне взглядом и двинулся дальше, но запнулся, вернулся обратно и взгляделся в меня.

– Господин Скаммо! – надо сказать, что изумление в его голосе было неподдельным. – Как это вас угораздило?

– Жандармы избивали женщин, я пытался прекратить.

– Ну, знаете ли, вступаться за смутьянов...

– Женщин. Бить. Нельзя. – как можно тверже отчеканил я.

– Хм... Ждите. – И он двинулся в сторону группки полицейских чинов и штатских у дверей части.

Иван выслушал наш разговор и, простецки дернув меня за рукав, поинтересовался:

– Это кто?

– Пристав, знакомый.

– А что за фамилие – Скаммо? Чухонец?

– Нет, американец.

– Америка-анец, – удивленно протянул Иван, – а как же ты по-нашему так ловко болтаешь?

– Предки русские, – я был немногословен, потому как замерз, да и рубец от удара саднил немилосердно.

Кожин закончил свои разговоры, что-то приказал и махнул в мою сторону рукой городовому, который немедля выцепил меня из строя и повел в здание.

– Ну, бывай, американец, бог даст – свидимся!

– Бывай, Ваня.

В кабинете Николай Петрович, которого буквально месяц назад временно перевели в Рогожскую часть, выслушал мою версию событий и поинтересовался, сумел ли я тогда попасть к Зубатову.

– Так вы сами справьтесь у Сергея Васильевича, полагаю, телефон в части имеется?

Еще полчаса ушло на «телефонирование», во время которого полицейский врач обработал мне ссадину, после чего Кожин довольно сухо со мной попрощался, посадил на извозчика и отправил домой, где меня встретила Марта, а вскоре примчалась и Варвара, горевшая желанием вылечить меня вот прям щаз. Но для начала мне пришлось их успокаивать, потому как след от удара выглядел страшновато, так что в оборот они меня приняли несколько позже, а под конец после перевязки Варвара осталась на ночь, за явив, что я промерз и меня обязательно нужно согреть. Рубец этому, как выяснилось, не помешал.

Приключения мои попали в газеты, «Ведомости Московской городской полиции» сухо сообщали о беспорядках и о том, что «при разгоне смутьянов пострадал проходивший мимо инженер завода Бари», а всезнающий «Московский листок» прямо написал, что инженер Скамов пытался защитить женщину. Эта заметка, кстати, стала первым печатным появлением моей фамилии в «русской» форме.

На третий день Зубатов вызвал меня запиской на конспиративную квартиру, где мрачно выслушал мой отчет о происшествии, но к концу просветлел и заявил нечто вроде «не было счастья, да несчастье помогло» – дескать, теперь мое «социалистическое» реноме подтверждено делом.

Шеф московской охраны оказался прав – именно участие в свалке с жандармами стало для меня пропуском в революционное сообщество. Стоило мне появиться в библиотеке Белевских, как начались расспросы, охи и ахи, каждый считал своим долгом узнать детали непосредственно у меня, а потом «руку пожать и в глаза поглядеть, со значением». Наташа вообще, похоже, нарисовала себе образ героя на белом коне, а Савинков после моего рассказа пригласил на собрание «к нескольким товарищам».

Я вынырнул из воспоминаний к разговорам и шахматам с Болдыревым, так понемногу мы докатили до первопрестольной и простились на Курском вокзале, он ехал дальше, в Питер, и просил, буде я окажусь в столице, непременно дать о себе знать, для чего оставил адрес.

Дело шло к Рождеству, и невеликий перевод за патенты из Швейцарии, судя по всему, грозил растаять на подношениях. По святой и нерушимой московской традиции, солидных жильцов приходили поздравлять околоточные, городовые, швейцары, дворники, трубочисты, почтальоны, водовозы, полотеры, а порой и опустившиеся дворяне-«стрелки». Все эту братию хозяевам приходилось одаривать – кого двугривенным, а кого и трешницей. На поздравительный промысел выходили и «недостаточные студенты», зачастую совершенно неожиданно для квартирантов. И это хорошо еще, что у меня тут нету родственников и знакомых и что я числюсь не православным, а методистом, иначе не миновать мне многочисленных визитеров, включая приходских священников с дьяконами и причетниками.

Впрочем, финансовый вопрос разрешился сам собой – контора Бари выдала мне «наградные», аж двести рублей. Как сказал Александр Вениаминович, они крайне довольны результатами экспериментов с перемычками, ну и моя стычка с жандармами добавила толику уважения, Шухов даже пригласил в гости на елку.

Нечаянные деньги я решил потратить на подарки, в первую очередь Варваре, ну и себе тоже. Для начала я исполнил детскую мечту и купил себе пистолет. Нет, не «Маузер» в деревянной кобуре, хотя он уже продавался, но его носить с собой было невозможно, и потому я искал что-нибудь плоское с магазином, но, как оказалось, поторопился. Многостраничные каталоги предлагали добропорядочным обывателям револьверы, револьверы и еще раз револьверы. Они

же украшали стены многочисленных оружейных магазинов, где мог отовариться любой желающий, не продавали разве что армейские мосинки и пулеметы, все остальное было доступно, приходи да покупай без всяких разрешений. Рублей за десять можно было обзавестись пукалкой-«велодогом», дабы отгонять собак, а серьезные стволы стоили уже рублей тридцать, а то и сорок.

На просьбу найти мне самовзводный пистолет с магазинным заряданием, мне начали впаривать редкостные угробища – страшный, как атомная война, «бергман» 1896 года и чуть более симпатичный «манлихер» 1894 года. Но, бог ты мой, какие танцы с бубном нужно исполнить, чтобы просто зарядить его... Взвести курок, нажать на спуск, чтобы зафиксировать курок шепталом. Выдвинуть ствол вперед до упора, чтобы защелкнулся рычаг удержания ствола. Вставить обойму в направляющие ствольной коробки, вдавить патроны – всего пять!!! – в несъемный магазин. Ну и так далее, и это не говоря о том, что указательный палец надо держать вдоль ствола, а на спуск жать средним!!! Нет уж, лучше я дождусь нормального браунинга. На мое счастье, в оружейном магазине в Гостином дворе мне показали компактный «бескурковый» «смит-вессон», который разрекламировали как «револьвер для дома и для кармана». Под него я у скорняка заказал совершенно неизвестную здесь плечевую кобуру, а заодно и «сигарницу» аккуратно под размер смартфона. Ну и с криками «гулять так гулять» оставил задаток за сапоги, а также за френч, который я обозвал «инженерной курткой». Мне пришлось собственноручно набросать эскиз, как он должен выглядеть, портной эдакому футуризму сильно удивился, но заказ принял.

Все, осталось добыть пробковый шлем и стек, буду ходить по Москве как колонизатор.

* * *

Формально елку тут считали детским праздником, но дети прибывали в сопровождении старших, которые под это дело выпивали и закусывали. Вот я и несколько недоумевал: кому какие подарки можно и нужно дарить, чтобы не нарушать здешних замороченных понятий о приличии? Хорошо, что у меня была Варвара – и насчет елки просветила, и подала идею презентовать торт, и кондитера подсказала. Ну а сделать его «шуховским» я придумал сам и нарисовал кондитеру ажурное перекрытие, точно такое же, как спроектировал Владимир Григорьевич для Выксунского завода, благо чертежи в конторе Бари я видел неоднократно. Кондитер, что называется, наморщил мозг, но потом сообразил и сделал потребное из нитей карамели поверх бисквита – парусная оболочка вышла на отлично.

В третий день Святки извозчик привез меня, Варвару, драгоценный торт и подарки для детей в Лобковский переулок. Мы степенно поднялись на третий этаж, где нас уже ждали сам Шухов с чады, домочадцы и гостями – двумя семейными парами коллег-инженеров. Нас быстро представили друг другу, моя спутница удостоилась удивленных взглядов, но ее появление вместе со мной списали на эксцентричность «американского инженера». Впрочем, мы оба были свободными «людьми из общества», клыки и копыта у нас не росли, туалет, ради которого Варвара месяц выносила мне мозг, был вполне хорош, так что наш первый совместный выход можно было считать удачным.

Коробка с тортом была водружена на отдельный столик, и мы перешли к вручению подарков детям, которых набралось девять, включая дочь и двух сыновей Шухова. Дети принимали коробочки, серьезно кланялись или делали книксен и отходили в сторонку, где и начинали увлеченно шуршать обертками, освобождая кукол или солдатиков. Когда все дары разобрали, кто-то предложил устроить хоровод у роскошной пахучей елки, поставленной в кабинете хозяина. Мальчиков и девочек собрали в круг, Анна Николаевна, жена Шухова, заиграла на пианино чинную мелодию, хоровод двинулся и все запели «O Tannenbaum, o Tannenbaum, wie treu sind deine Blätter!» Я еще подумал, что довольно странно на русское Рождество петь немецкие

песни, но мало ли у кого какие в семье традиции, дослушал до конца песенки и влез в круг со словами:

– А теперь давайте что-нибудь наше! – и, не дожидаясь остальных, затянул:

В лесу родилась елочка,
В лесу она росла...

Ну, подпевайте!

Зимой и летом стройная
Зеленая была!

Но мне никто не подпел, и я замолк, недоуменно глядя на взрослых, которые с таким же недоумением смотрели на меня. Так, это что же получается? Вряд ли песня запретная, ее что, вообще не знают?

– Миша, а что это за слова? – удивленно спросила Варвара.

– Ну как же: «...метель ей пела песенку, спи, елочка, бай-бай, мороз снежком укутывал, смотри, не замерзай!» Никто не знает? – Н-да, попал, надо тщательней следить за языком. Пришлось выкручиваться. – Я слышал ее в детстве от родителей и был уверен, что это песня из России.

Быстрее всех нашлась Анна Николаевна, она предложила пока разрешить детям натаскать гостинцев с елки, а мне выдать перо и бумагу, чтобы я записал слова, чем я и занялся, внутренне хихикая: надо же, «перепел Высоцкого»! Минут через десять, пока бегущий по пороховой нитке огонек зажигал разноцветные свечки на елке, я вроде бы вспомнил все куплеты, во всяком случае до финального, где «много-много радости детишкам принесла», записал их, напел мелодию Анне Николаевне, насколько это возможно с моим слухом, и вскоре сводный хор, сжимая в руках пару листков с текстом, под аккомпанемент пианино исполнил новогодний шлягер.

Впечатление он произвел изрядное – младшее поколение в добытых из хлопушек бумажных колпачках даже бросило потрошить елку, на которой, помимо свечек, были развешаны пряники, бумажные цепи, посеребренные орешки, корзиночки с конфетами и многие другие столь сладкие детскому сердцу вещи. Дети внимательно выслушали песенку до конца, а потом потребовали исполнить на бис, уже с хороводом. Взрослые пропели «Елочку» еще раз и даже похлопали друг другу, а меня вдруг пробила ужасная мысль, что все эти милейшие люди и, что еще страшнее, малышня через двадцать лет будут голодать, уезжать в изгнание, идти на расстрел или расстреливать сами.

Чтобы взять себя в руки и не портить праздник, я отошел к этажерке у окна кабинета и налил себе из графинчика стопку шустовского коньяка. Там же стояли шахматы и лежал ярко-красный журнал «Циклист», его-то я и начал листать, чтобы хоть как-то отвлечься. Подошел Шухов:

– Да, знаете ли, увлекаюсь велосипедом и очень жалею, что сейчас невозможно кататься.

– Отчего же, я вот каждый день катаюсь.

– Вы? Как? – удивлению Шухова не было предела, что было вполне понятно. Холод, снежная слякоть, беспорядочное движение извозчиков, ранняя темнота, отсутствие зимней экипировки (да и летнюю экипировкой можно было назвать с оочень большим натягом) – все это делало езду на велосипеде в декабре попросту невозможной.

– Дома, каждый день полчаса-час.

– Дома???

– Ну да, поставил в кабинете велосипед на ролики и кручу педали, не сходя с места. Очень, знаете ли, помогает поддерживать форму.

– Вы должны непременно показать мне это!

– В любой удобный момент, Владимир Григорьевич! Мы с Варварой Ивановной будем весьма рады.

Наконец, все перешли к накрытым столам – дети в детскую, взрослые в столовую. Соседом моим оказался инженер с Ярославской железной дороги Василий Петрович Собко, грендерских статей мужчина, неожиданно смешливый, мы с ним с удовольствием обсудили творчество Гарина-Михайловского, вернее, три его книги автобиографического цикла. Заявление мое, что надо ждать четвертую книгу и что она будет непременно называться «Инженеры», вызвало за столом веселое оживление.

– Да вы еще и пророк, Михаил Дмитриевич! – засмеялся Собко.

– Да, господин Скамов у нас человек больших и разнообразных талантов! – поддержал его хозяин дома.

– Никаких пророчеств, господа, исключительно инженерная интуиция и экстраполяция, – я оторвался от калача с паюсной икрой и для убедительности потряс в воздухе столовым ножом.

– Будьте любезны, объясните ход вашей мысли?

– С удовольствием. Смотрите, инженер Гарин писательство не бросает, помимо трилогии изданы уже две книжки очерков, так?

– Так, но как отсюда следует название книги?

– Погодите, сейчас дойдем. Во-первых, не бросает, а во-вторых, пишет о том, что ему знакомо. И было бы логично продолжить четвертой книгой на новом уровне – «Гимназисты» уже были, «Студенты» тоже, какая у нас следующая ступень? «Инженеры», господа, и никак иначе!

Присутствующие посмеялись, попутно отдавая дань молочному поросенку, запеченному с гречневой кашей.

– Так что там насчет многих талантов? – обратился Василий Петрович к Шухову.

– Ну как же, прекрасный расчетчик, певец, катается на велосипеде прямо у себя дома, – все засмеялись опять, – ну и два десятка очень многообещающих патентов. Вообще, у Михаила Дмитриевича парадоксальный взгляд на вещи, своего рода дар видеть явление с необычной стороны.

Кажется, я даже покраснел – какой, к черту, дар, если я просто знаю пути развития техники на сто с лишним лет вперед? Вот перенеси Шухова в мое время – рупь за сто, он бы всех наших современных инженеров уделал.

– Да? – и путеец развернулся ко мне, продолжая развивать веселящую всех тему. – А что вы можете предложить в смысле, например, железнодорожного строительства?

– Ммм... Машину-путеекладчик.

– Это как?

– Смотрите. Вот в строительстве, например, стропила собирают на земле и потом подают с помощью подъемника на место. Что мешает собирать шпально-рельсовые решетки заранее, грузить их на платформу и укладывать стоящим на рельсах продольным козловым краном? Уложил – продвинулся по уложенному вперед – зацепил следующую решетку – уложил и так далее.

Собко на мгновение завис, но быстро пришел в себя, подобрался и быстро спросил:

– Но такой кран может вести укладку только внутри опор!

– Выдвижная телескопическая стрела и противовес.

– Господа, господа! – прервала нас Анна Николаевна. – Давайте не забывать, что вы не на работе, у нас праздничный обед все-таки.

– Покорнейше прошу простить, – мы синхронно поклонились хозяйке, но Собко при первой же возможности шепнул: – Обещайте мне, Михаил Дмитриевич, обязательно встретиться и обсудить эту идею!

Мы вернулись к еде, отдав ей должное и нахваливая закуски, горячее и салаты, не забывая поднимать тосты с домашними наливками и настойками. Обед клонился к десерту, перед которым была сделана пауза и мужчины собрались в гостиной, превращенной на время в курительную.

– Значит, я на вас рассчитываю, Михаил Дмитриевич!

– Обязательно, Василий Петрович!

– Кстати, коллеги, – обратился к нам Шухов, – Александр Вениаминович недавно вошел в паи новосозданного Мытищинского вагоностроительного завода вместе с господами Мамонтовым и Арцыбушевым. Если вы вдруг решите опробовать идею путеукладчика на практике, полагаю, лучшего места вам не найти.

Обед триумфально завершился явлением торта. Когда с него сняли крышку, хозяин дома прямо-таки ахнул:

– Выкса!

И бросился объяснять гостям, что именно они видят, даже принес из кабинета чертежи. Господа инженеры оценили, Собко теперь точно с меня не слезет.

Ну а мне только того и надо.

Зима 1898 года

Отгремели Рождество, Новый год и Святки, потекла наполненная заботами зима. Расчеты конструкций в конторе Бари, запуск производства бетонных перемычек, изучение немецкого (в том числе и по ночам с Варварой), переписка с Цюрихом, беседы с Зубатовым, встречи с Савинковым, а еще мы по вечерам частенько сидели у Собко и «в свободное от основной работы время» трудились над чертежами путеукладчика, часто допоздна – дела и события явственно уплотнялись.

Зимой же Савинков сводил меня в несколько мест, где легально собиралась «передовая молодежь», тайно протащил на пару собраний, которые я пронаблюдал «из-за занавесочки», и потом представил нескольким наиболее надежным товарищам.

Все кружки как один, несмотря на их малые размеры в восемь-десять человек, носили громкие названия типа «Союз решительной борьбы за все хорошее против всего плохого», что было вполне в тренде – ни социал-демократов, ни социалистов-революционеров толком не было, партиям еще предстояло сложиться. Хотя на таких встречах уже вовсю обсуждались статьи, подписанные Тулиным и Гардениным, в которых наметились основные различия между этими двумя течениями (по содержанию и стилю авторы были мной опознаны как Владимир Ульянов и Виктор Чернов – отцы-основатели двух главных революционных партий России), но пока союзы и группы возникали и пропадали, их члены свободно переходили из одного в другой, к примеру, сам Савинков пока считал себя последователем европейской социал-демократии.

То направление, которое можно было назвать «эсеровскими», выросло из российского народничества, со всеми его достоинствами и недостатками. Считалось, что бороться надо за земельный передел и установление демократической республики, а дальше социализм в России произрастет сам собой. А бороться нужно решительно, в том числе и террором против представителей власти.

За эсдеками, помимо наработок идейных единомышленников в Германии и Франции, была мощная марксова теория – неременная пролетарская революция, за ней диктатура пролетариата в форме предельного обобществления всего и вся. Террор не то чтобы отвергался

полностью, но был как-то очень на втором плане, предпочтение отдавалось вооруженному восстанию.

Если оба течения совпадали в том, что необходима ликвидация монархии и замена ее демократической республикой, то вот дальше начинались отличия. Условные эсеры считали, что надо опираться на крестьян и помогать им строить социализм в деревне; рабочие для них были «испорчены городом» и считались лишь передаточным звеном к односельчанам. Потенциальные эсдеки, наоборот, полагали, что вся сила в рабочих, которых надо вести за собой, а социализм строить «железной рукой».

Водились еще и анархисты, благо такие столпы течения, как Бакунин и Кропоткин, были русскими. Но у анархистов было очень плохо с организацией, хорошо с разгильдяйством и очень широко со спектром от профсоюзного синдикализма до откровенно дурацких идей типа иллегализма, безмотивного террора или признания криминального элемента борцами с государством. Насчет будущего мысли были еще проще, чем у эсеров, – стоит только отменить государство, открыть тюрьмы, распустить армию, полицию и чиновников, как народ немедленно самоорганизуется и без какого-либо принуждения процветет в безвластном обществе.

Однако эти различия пока не выходили дальше умозрительных споров, поскольку не то что до социализма, а даже до вождя низвержения самодержавия было как до Пекина на карачках.

Товарищи Савинкова оказались по преимуществу студентами – рабочих было в лучшем случае один из четырех, а крестьян не было вовсе. Впрочем, нынешние рабочие от них недалеко ушли – большинство были пролетариями «в первом поколении» и выросли в деревнях. С другой стороны, было двое ребят, специалистов с Раушской электростанции, которых по нынешним временам рабочими можно было назвать очень условно, чистый хай-тек.

Собирались, например, под видом дня рождения на съемных квартирках, где проживали студенты побогаче, приносили вино и закуски, накрывали немудрящий стол и кидались спорить, прерываясь на песни под гитару для конспирации.

Споры были точным отражением ситуации в «социалистическом» лагере – твердых доктрин нет, есть три направления, «чтобы объединиться – надо размежеваться». Я, сколько мог, старался донести мысль, что пока надо, наоборот, сотрудничать со всеми, кто совпадает по главной цели – устранению самодержавия. Потому как вечное размежевание приводит к тому, что вместо сколько-нибудь организованной силы движение дробится на маломощные группы, группки и группочки, не имеющие связи и координации между собой. И что позарез нужна единая газета всех социалистов, которую нужно печатать в нескольких местах в России и распространять среди рабочих и крестьян, создавая опорную сеть корреспондентов на заводах и фабриках. Мне возражали, что с «соседними» группами решительно невозможно иметь дело, потому как они неверно видят момент, или что нехрен заниматься всяким фуфлом вроде пропаганды, а надо просто убивать царских сатрапов. Ну или подбивать крестьян на всеобщий бунт – диапазон мнений даже внутри одной группы был слишком разнообразен. Впрочем, разнообразны были и сами нынешние леваки.

Савинков или его коллега студент-юрист Николай Муравский были прирожденными конспираторами – спокойными, несуетливыми, они за все время, невзирая на накал споров, ни разу не назвали ни посторонних по имени, ни мест, где проходили собрания, ни «адресов-паралей-явок». Наоборот, они умели внимательно слушать и задавать правильные вопросы – например, Николай после моего пассажа про газету спросил про потребную технику и персонал в подпольную типографию.

А вот Алексей Тулупов, студент учительской семинарии, был типичным педантом-занудой, я еще подумал, что ему бы хорошо не в революционную борьбу, а в академическую науку, где его качества будут как раз к месту. Также большие сомнения вызывал Егор Медведник – весь какой-то дерганый, скачущий с одной мысли на другую и страстно желающий «достать

оружие и бороться». Не-не-не, от таких надо избавляться, ладно, если сам дурасть отчебучит, но ведь наверняка и остальных за собой потащит.

Еще меня заинтересовали Исай Андронов и Савелий Губанов, первый был как раз один из двоих «электриков», но при этом очень четко излагал свои соображения, за словом в карман не лез и вообще держался в споре очень уверенно, с хорошей такой иронией. Да и начитан он был неплохо, так что при минимальных стараниях из него получится либо митинговый оратор, либо неплохой журналист, а, может, и то и другое вместе. Савелий же учился на агронома и держался народнической линии, так сказать, по принадлежности, – крестьянство есть основа, работать надо там, в народ, ближе к земле, учить и все такое. Но по упрямой складке между бровями и хорошей упертости было видно, что если он уж чем займется, то непременно будет стоять до конца. Из его слов я понял, что в Петровской сельхозакадемии такие настроения весьма распространены, что сулило интересные перспективы.

Из увиденной за зиму публики многие, как мне показалось, попали в социалисты потому, что «так принято» – будь сейчас у молодежи в моде мотоциклы или рок-н-ролл, они бы с легкостью стали байкерами или стилистами. Тот же Медведник и еще пара «бойких, но не стойких» мне все время напоминали старый анекдот про тюрьму животных: медведь сидит за разбой – корову задрал, лиса сидит за кражу – курицу стырила, все за уголовку, только петух гордо заявляет: «Я политический! Я пионера в жопу клюнул!» Ну да что делать, других «политических» пока нет.

В один из вечеров, допив, доев и допев, мы распрощались с хозяевами и двинулись по домам. Николай и Борис пошли меня провожать, ибо время было позднее и на этой окраине вполне можно было нарваться на «деловых», да и ребята шли в том же направлении. По дороге мы, разумеется, пытались договорить то, что не успели на квартире.

– И все-таки, что вредного в размежевании? Как мне кажется, идейно монолитные группы будут работать лучше, чем «все со всеми», – задал вопрос Николай.

– На маленьком проекте – да. Вот представьте, что вам нужно поправить кирпичную стенку. Кого вы позовете? – спокойно поинтересовался я.

– Ну, каменщиков, естественно, – в один голос ответили ребята.

– Именно. А если надо построить дом или фабрику?.. – в моем голосе неожиданно прорезался менторский тон. – Тут одними каменщиками не обойтись, нужны будут и плотники, и маляры, и кровельщики, и даже какой-нибудь инженер, хе-хе, – ребята тоже заулыбались.

А я пустился в дальнейшие объяснения, что, чем выше раздробленность, тем удобнее власти давить движение. В чистом виде «разделяй и властвуй», натравливай одних на других и бей по одиночке.

И это при том, что все, почти все, за редчайшими исключениями, сходятся на том, что необходимо бороться за основные свободы – печати, собраний, вероисповедания и так далее. Ну и при возможности заменить самодержавие хотя бы конституционной монархией, а в идеале республикой. Это значит, что возможно самое широкое объединение, от самых умеренных до самых радикальных, всем найдется дело. И оно просуществует 15–20 лет, раньше вряд ли управимся, так за это время нужно выработать привычку ко взаимодействию, а не к грызне.

– Ну и по ходу дела выковать внутри движения специализированные группы и создать инфраструктуру...

– Простите, что? – оба парня на меня непонимающе уставились.

Я про себя чертыхнулся. Так, опять заговариваюсь, опять пропускаю привычные мне словечки из будущего. Американец-то я американец, но если кто вдруг возьмется за анализ моих речений да сравнит с нынешним «американским английским». Надо внутреннюю дисциплину подтягивать срочно.

Пришлось растолковывать.

– Инфраструктура – это все, что обеспечивает работу той или иной системы. В случае с движением – типографии, явки, каналы связи, сеть сочувствующих, склады литературы, финансовые средства и так далее, вплоть до близких по духу адвокатов и газетчиков. Чем больше ресурсов в инфраструктуре, тем сложнее задавить движение, как-то так.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.